

ПАВЕЛ БЕЛЯНОВ

ЭТАЖ

37

УРОВЕНЬ

19

ОПЫТ

6580 / 10000

ЗДОРОВЬЕ

87%

ВЫНОСЛИВОСТЬ

42%

СТАТУС

В поиске цели

МЯСНАЯ БАШНЯ

— ЛИТРПГ —

ЗАДАНИЕ

ПРОДВИГАЙСЯ
ВВЕРХ

НАГРАДА
Неизвестно

ПРОГРЕСС

Павел Белянов

Мясная Башня. Том 1

«Автор»

2026

Белянов П.

Мясная Башня. Том 1 / П. Белянов — «Автор», 2026

Ты умираешь и открываешь глаза на холодном каменном полу. А вокруг десятки таких же людей. Перед лицом горит надпись: «Вы мертвы. Это Башня. Дойдите до верха, и вам вернут всё, что вы потеряли». И люди в это верят. И лезут вверх — этаж за этажом, через кровь и чужие миры, где каждый следующий страшнее прошлого. Разные биомы и уровни. Новое снаряжение и твари, которые хотят тебя сожрать. Костя тоже лезет. Ему есть ради кого. Шесть лет назад он не спас одного мальчишку, и Башня обещает вернуть его. Башня не испытание. Она живая. И кормится она надеждой тех, кто в неё поверил. Чем сильнее ты хочешь дойти — тем ты вкуснее.

© Белянов П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Вошедшие	5
Глава вторая. Тихая зона	12
Глава третья. Мертвый лес	19
Глава четвертая. Третий день	25
Глава пятая. Четвертый день	33
Глава шестая. Выводок	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мясная Башня. Том 1

Глава первая. Вошедшие

Вода была уже не водой. Она давила ему в грудь, сдавливала горло, и Костя, подняв над собой мальчика, толкал его только вверх. Больше он ничего не мог сделать, кроме как толкать.

Пацан ушел наверх. Кто-то с края льда протянул руку и вытащил его из воды. Костя почувствовал, как вес пацана исчез из его рук, и все стало одновременно легче и хуже. Ему не на что было опереться, не за что держаться. Течение подхватило его, развернуло боком и унесло под лед, туда, где пятно света уже было не видно.

Страх не было, как не было и тепла. Было лишь спокойное и ясное осознание: вот конец, больше ничего нет. Над головой свет стал серым, потом коричневым и погас.

Последнее, что он запомнил, была не жена, не мать и не он сам. Он запомнил другого, мальчика, которого не смог спасти шесть лет назад, маленького мальчика в синей куртке. Точно так же он ушел в коричневую воду. Одно погружение, второе, третье. Костя нырял, пока его силой не оттащили, он кричал и бился, пытаясь вернуться, четверо мужчин держали его и не спасли того мальчика. А этого мальчика Костя спас.

Но все равно пришло то, что ждало его шесть лет.

Тьма окутала его.

Мгновение спустя появился свет. Под щекой была твердая, сухая, как кость, поверхность, которая показалась настолько неправильной, что Костя открыл глаза. Это была плита из камня: серого, холодного, шершавого и совершенно сухого. Он пролежал на щеке долгую минуту, недоумевая про себя, со всей глупостью человека, который еще не проснулся в холодном поту, почему он не мокрый? Он был сухим: одежда, волосы, рот. Он приподнялся на локтях.

Костя находился в огромном каменном зале, конец которого терялся в тених. Все было тускло освещено ровным светом, тем самым серым тоном, который появляется в пасмурный, затянутый тучами день перед грозой. По всему полу лежали и сидели люди.

В комнате должно было быть по крайней мере два десятка человек. Он не считал, но казалось, что это так. Горстка все еще лежала на животе, как и он. Другие, сидя и покачиваясь, протирали рты. Некоторых рвало. Где-то сзади женский тонкий, высокий вой поднялся посреди предложения и оборвался, словно кто-то закрыл ей рот.

Костя уже видел подобную картину, не эту, но что-то очень похожее: первые минуты катастрофы. Каждый человек в аварии, каждый пожар — это авария. Каждый сначала один и каждый сначала не верит.

Прямо перед его лицом появилась строка. Она не была прикреплена ни к какой стене, она была буквально перед его глазами: буквы светились ярко, словно напечатанные на официальной бумаге.

Добро пожаловать, Вошедший. Ты мертв.

Это не твое наказание и не твоя ошибка. Это Башня.

Пройдите ее до конца, и вам вернут все, что вы потеряли.

Он перечитал строку и моргнул, но нет, строка осталась. Костя прочел это дважды.

Она не исчезла. Он поднял руку, проводя пальцами там, где висели буквы. Его пальцы прошли насквозь. Ни мерцания, ни ряби на буквах.

Ты мертв.

У него не было никакого желания спорить. Однако его тело вспомнило, как именно он умер. В последней строке было что-то еще. Они вернут все, что ты потерял. Он знал, что потерял. Он хранил это внутри себя шесть лет. Но он не успел додумать.

Крик, который был прерван, возобновился в полной мере. Это был не крик ужаса. Костя знал, что это что-то другое, крик, похожий на внезапную острую боль, резкую и сильную с самого первого момента.

Его ноги оторвались от земли, прежде чем он понял, что нужно двигаться.

Примерно в двадцати метрах, посреди темной части зала, собралась толпа людей. Они были там в состоянии возбуждения. Он быстро двинулся к ним, не бегом. Нет смысла бежать в толпу, которая еще не понимает, что, черт возьми, с ней происходит. Там все равно кого-нибудь сойдут с ног. У него уже был план, когда он двигался, как и всегда. Где выход, сколько людей стоит или сидит там, откуда доносится крик.

Крик донесся из-под чего-то.

Он протиснулся сквозь толпу, люди расступались перед ним. Люди всегда пропускают того, кто идет так, как будто знает, что нужно делать. И он увидел зверя.

Существо, похожее на большую собаку, но собакой оно определенно не было. Каменно-серое, низкое к земле. Голова плоская, без морды. Пасть была открыта не вниз, а вбок, как раскрытая книга. Две ряда острых тонких игл торчали изнутри пасти, загнутые назад, как крючки, чтобы добыча не ускользнула. Существо тащило мужчину из группы за ногу. Эффектно, как муравей, тащащий крошку. Мужчина, полный, средних лет, в порванной рубашке, вцепился в пол, в другие ноги, в воздух. И он кричал.

Ему достаточно было посмотреть на это существо, и появилась надпись. Всего одна короткая фраза под картинкой.

(Каменная Грызь. Уровень 1.)

Группа медленно отступала. Никто не бросился на помощь парню. Это было привычно. Они никогда не шли первыми. Кто-нибудь, всегда кто-нибудь пойдет.

Костя огляделся, быстро, за полсекунды. Он не видел никакого оружия. Но осколок, камень размером с кулак, лежал на пути чьего-то ботинка. Он наклонился, схватил камень и пошел вперед.

Он не был воином, но точно знал это о себе. Ты спасаешь людей от монстров, а не убиваешь их. Однако Грызь была боком к нему, занятая своей добычей. У неё была плоская голова, казалась не очень сильной. К тому же, ударить по голове чем-нибудь было то, чему Костя научился из жизненного опыта.

Он ударил. Со всей силы, сверху вниз, используя свой вес для удара.

Камень пробил что-то мягкое, под кожей. Хрустнул со звуком тонкого льда. Грызь отшатнулась, её книжная пасть щелкнула впустую, коготь отпустил ногу. Он ударил её еще несколько раз, уже потеряв счет, как будто забивал упрямый гвоздь. Её плоская голова поддавалась под ударами и треснула по шву. Она начала капать, густой черной кровью, пахнувшей ржавым болотом.

Грызь жевала его ногу, тянула её одной лапой, а затем замерла.

Наступила тишина. Мужчина тоже замолчал, всхлипывая и подтягивая под себя искаленную ногу. И именно в этой тишине перед Костей появились строки.

(Убита: Каменная Грызь, Ур. 1.)

(Первое убийство. Получен опыт.)

(Повышение уровня: 1 → 2.)

Костя устался на эти строки, но не знал, что чувствовать. Он уронил камень и опустился на колени рядом с мужчиной. Сам того не осознавая, он поднес два пальца к шее мужчины, проверяя пульс. Пульс был частым и сильным. Он изучил ногу. Грызь дважды впилась в икру. Она разорвала плоть, но не задела артерию. Крови было много, но рана не пульсировала. Это было не смертельно, если Костя сможет остановить кровотечение сейчас.

— Дай ремень, — сказал Костя. — Дай свой ремень. С себя.

Мужчина растерянно посмотрел, моргнул. Костя сам снял ремень с брюк мужчины, затянул его на верхней части бедра выше ран, не до такой степени, чтобы нога посинела, а лишь настолько, чтобы сдавить. Достаточно, чтобы не остановить кровообращение полностью.

— Не смотри туда, — сказал он. — Смотри на меня. Как тебя зовут?

— Гас, — прошептал мужчина. Он дрожал. — Гас... Нога, нога моя...аа...аа

— Нога в порядке. Кость цела. Ты будешь ходить, — сказал Костя голосом, который не думал, а просто говорил. — Дыши глубоко. Через нос. Держи ногу приподнятой выше уровня сердца, вот так.

Руки работали, а голова была свободна и думала. Их тут десятки. Тварь была одна, но твари поодиночке не ходят. И зал слишком большой, чтобы в нем сидела всего одна.

Он поднял голову, люди смотрели на него. Это было уже не существо, не Гас. В их глазах Костя увидел выражение, которое видел много раз и давно перестал искать. Они нашли лидера. Он появился впервые; с тех пор легче. Для него же, опять, было наоборот.

— Кому нужна помощь? — громко сказал он. Он встал. — Кто ранен? Кто не может идти сам?

Внятно никто не ответил, но толпа зашевелилась, задышала, стала из кучи людьми. Кто-то заплакал. Кто-то начал трясти соседа. Кто-то наконец прочел вслух свою висящую строку, и по залу пошло, шепотом и в голос: мертвы, Башня, пройдите до конца, вернут все, вернут все, что потеряли.

Кто-то подошел к Косте. Молодой человек. Ему было не больше шестнадцати, наверное. Он был худощав, и челка падала ему на весь лоб. Он не плакал и не трясся от страха. Он просто смотрел на мертвую Грызю со смесью жадности и страха, словно пытаясь запечатлеть образ в своей памяти.

— Ты смог попасть по ней три раза епты, — сказал молодой человек. — Три. Я посчитал.

— Повезло — сказал Костя.

— У меня кстати епты тоже вышла табличка. Как в игре какой-то — Парень ткнул пальцем в воздух перед собой. — «Вошедший». Уровень один. У вас тоже был один?

— Был.

— А теперь у тебя второй. Я видел, как у тебя загорелось.

Парень сглотнул.

— Я Дэн.

— Костя.

Костя хотел сказать мальчишке что-нибудь, чтобы тот убрался. Сейчас было не время для дружбы, сейчас было время увести как можно больше людей, пока не появились другие твари. Но прежде чем он успел что-либо сделать, перед его глазами появилась та же строка, что и раньше. Только длиннее. Он её даже не вызывал. Она просто появилась.

(Первая кровь пролита в защиту другого)

(Определен класс. Класс: Рыцарь - Спаситель)

(Рыцарь - Спаситель силен, когда защищает. В одиночку слаб. Способности работают на других, не на себя)

Костя прочитал. Если бы у него хватило сил, он бы усмехнулся. Он понял, что он саппорт. Похоже, Башня заглянула ему в сердце и сделала все те выводы, к которым он сам пришёл без неё. В одиночку слаб. Спасибо, я знал. Знал двадцать лет.

Он перевёл взгляд дальше, и строки послушно выстроились в столбик.

(Костя, Вошедший, уровень 2)

(Класс: Рыцарь – Спаситель)

Сила: 3

Ловкость: 2

Выносливость: 4

Интеллект: 2

Воля: 4

Очки: 1

Искры: 6

Цифры ему ничего пока не говорили. Много это или мало, он не знал, не с чем было сравнить. Но одно понял сразу: выносливость и воля у него выше прочего. Тело битое, но крепкое, и башка не сорвется. Оно и правда так. Только этим он всю жизнь и держался.

И тут его взгляд зацепился за ещё одну строку. Не в основной колонке. Она спряталась сбоку, в самом углу, маленькая, тусклая. Остальные горели нормально, а эта выглядела почти смущённой своим присутствием. Серая, чужая.

(Готовность: 4%)

Костя прищурился. Цифра действительно была там.

— Дэн, — сказал он, не оборачиваясь. — Ты видишь что-нибудь сбоку? Прямо в углу, мелким шрифтом. Что-то про готовность.

Парень действительно посмотрел влево и вправо. Он нахмурился.

— Нет, у меня ничего нет. Только Вошедший и уровень. А что за готовность?

— Ничего, — сказал Костя. — Показалось

Он не ошибся. Строка была на месте. Видел только он. И пока он смотрел, цифра замерцала и снова изменилась.

(Готовность: 5%)

Он не знал, что это может значить. Он пока ничего не знал. Ни про Башню, ни про то, что ждёт наверху, ни про то, чем всё закончится. Но двадцать лет он читал цифры на своей панели управления, и дрожащая тут и там стрелка сама по себе была ранним признаком того, что что-то вот-вот пойдёт не так, и ему не нравилась идея этой дрожащей цифры.

Из дальнего угла зала послышалось постукивание по каменному полу. Много ног. Нечеловеческих.

Костя выпрямился. Он глубоко вздохнул. И голосом, которым не пользовался шесть лет, сказал, негромко, но достаточно громко, чтобы все услышали:

— Слушайте меня. Поднимайтесь все. Те, кто может идти сам, идите. Те, кто рядом с ранеными, берите раненых. Мы движемся к более освещённой части. Вместе и не бежать. Кто побежит один, тот первым и сдохнет.

Люди вокруг зашевелились. Кто-то уже поднимался, кто-то помогал соседу держаться за руку. Это помогало. Человек в панике хочет одного: чтобы кто-то сказал, что делать.

Костя наклонился и поднял Гаса, подхватил его под мышки, закинул на плечи. Тяжелый – черт! – больше ста килограммов. Нога тут же отозвалась горячей болью от этой непривычной тяжелой ноши.

— Дэн. Придержи ему ноги, чтобы он не бил по полу. Пошли.

Стук приближался.

И они двинулись. Толпа, десятки человек, сбились в бесформенную массу и двигались в направлении зала, в направлении более светлого места. Костя не шел впереди и не отставал, а держался сбоку, где мог следить за всеми. Он взял с собой Гаса. И из-за этого замедлился. И понял, что замедлился. Без Гаса он шел бы легко – впереди, во главе, вел бы остальных. С Гасом – полз.

Они появились внезапно из темноты.

Много их. Костя не стал считать, но и не один, и не пять. Были знакомого вида, серые, с плоскими безголовыми головами, книжно-ротые. Они не наступали стаей, они шли повсюду,

каждый сам по себе, и это было хуже, чем стаей. Стаю можно было предвидеть, а каждый по отдельности означал разброс ударов сразу с разных сторон.

Внезапно над каждой из них стали появляться и быстро исчезать строки – словно Башня только отмечала эту зону.

(Каменная Грызь, Ур. 1.)

(Каменная Грызь, Ур. 1.)

(Каменная Грызь, Ур. 2.)

Костя их не видел. Просто не было времени.

Одна из них напала на женщину на краю. Немолодую, в халате, она, казалось, выскочила прямо из кухни. Грызь прыгнула ей на спину, сбила с ног. Её книжная пасть сомкнулась у неё на затылке, открылась и закрылась еще раз. Костя увидел иглы, увидел, как женщина, которая стояла и могла бы стать просто дергающейся на полу. Крик прокатился по толпе, людская масса заволновалась и распалась, кто-то упал, и другие наступили на него.

— Не бегите! — крикнул Костя. — Стойте! Стойте вместе!

Они не слышали, в паника никто не слышит. Люди начали разбегаться – как раз то, что им было нужно. Для отдельной охоты.

Костя видел все, как всегда в те времена, когда время становилось густым и вязким. Видел, как одна Грызь схватила за руку молодого парня и потянула. Почувствовал хруст руки в плече, рука согнулась, и парень закричал как женщина, тонко. Видел, как двое ударили Грызь ногами, но она увернулась от этих ударов, ловкая, пригнувшись низко, появилась сбоку, ударила по ноге за коленом и сбила того с ног. Видел кровь. Она лужами чернела в этом свете на сером камне, и пол стал скользким.

Он положил Гаса. Как можно мягче, под стену, хотя бы прикрыть человека со спины.

— Садись сюда. Спиной к стене. Дэн, останься с ним.

— А ты? — голос мальчика сорвался.

Костя ничего не ответил. Он уже подобрал камень потяжелее, осколок с зазубренными краями, и направился туда, где эти двое боролись с Грызью. Он бежал, но девочку уже не удалось спасти.

И Грызь уже вцепилась лапами в одного из двоих, когда Костя добрался до них. Он ударил сверху самым острым краем по спине, ближе к плоской голове. Кожа порвалась, осколок вонзился. Грызь дернулась и закрутилась на задних лапах, отпустив ногу, и бросилась на Костю. Тот ткнул её локтем. Книжная пасть сомкнулась на его предплечье, иглы пронзили рукав и кожу. Вся рука ощущалась как рука, окунутая в кипяток с битым стеклом. Сквозь зубы Костя зашипел, ударил снова, на этот раз прямо в открытую пасть. Он засадил осколок в горло и повернул. Тварь захлебнулась собственной чернотой. Она обмякла, повисла на его руке мертвым грузом. Иглы остались торчать в коже. Он разжал ей челюсти, затем вырвал руку. Она вышла с мокрым щелчком, унося с собой куски плоти, и кровь хлынула по руке, красная и горячая.

(Каменная Грызь убита.)

(Уровень: 2.)

(Повышение уровня: 2 → 3.)

— Иди к черту, — Костя сказал в пустоту, не задумываясь.

Двое, которых он спас, уже поднялись и бежали. Они ничего ему не сказали. Да и он бы не осудил их, если бы они не сказали.

Он повернулся к стене, к Гасу и Дэну.

Он опоздал.

Грызь напала на них сбоку, двигаясь вдоль стены, куда Костя не смотрел, его взгляд был прикован к тем двоим. Только один человек за раз — это было его единственное проклятие. Дэн стоял над Гасом, размахивая куском камня. Маленький, худой ребенок, он не знал, как им

размахивать, просто размахивал. Тварь присела, прицеливаясь. Костя бросился к ним, зная, что не успеет. Пятнадцать метров между ними. Полметра между Грызью и Гасом.

Грызь прыгнула не на Дэна. Она прыгнула на Гаса. Тот сидел, не в силах подняться, беззащитный. Видимо, зверю было не все равно, Гаса было легче взять.

Книжная пасть вцепилась Гасу в лицо.

Костя видел это с пяти метров, в густом, тягучем времени, во всех деталях, которые он никогда не забудет, как бы ни старался. Как иглы впились ему в щеки, глаза, нос. Как Гас поднял руки, слишком поздно, слишком глупо, и поймал тварь на живот и бока. И тварь трянула головой, и иглы вошли глубже, и лицо Гаса тоже, отдернулось, кожа подбородка и кожа до самого волосяного покрова содрана до кости и белого хряща. Лицо Гаса, парня, который пять минут назад сказал, что с ним все в порядке и с ногой тоже, яма из мокрой каши. И что-то издало там звук, похожий на воздух, как будто кто-то пытался вдохнуть.

А Дэн, Дэн закричал как зверь, не как испуганный ребенок, и бросился на Грызь, глупую, с камнем в руках.

Костя рванул вперед, бросившись за тварь, чтобы схватить ее за загривок и оттащить от Гаса. Тварь не разжимала хватки, ее морда рвалась, пока она терзала. Костя швырнул ее в стену, сильно и быстро, дважды, вкладывая всю силу своих рук, спины и гнева — гнева, которого он не знал, что в нем столько есть — в этот удар. Тварь разлетелась вдребезги о кладку, взорвалась, размазалась. Костя продолжал колотить, пока форма перестала быть тварью и не стала просто окровавленной тряпкой в его руке. Он продолжал бить ее и после этого.

Наконец, он разжал руки. Рухнув, он упал на колени рядом с Гасом.

Ничего хорошего не было видно; не стоило смотреть. Голова Гаса была сплошным месивом. Но его грудь все еще поднималась и опускалась с поверхностным, неровным дыханием. Рука на полу продолжала шарить по пустому пространству. Он был еще жив. Смерть не мгновенна; органы не отключаются все сразу. Костя понимал это лучше, чем когда-либо хотел.

Положив ладонь на грудь Гаса, он ощутил осознание. Не через интеллект, а через этот первобытный инстинкт — тот же инстинкт, на который полагается водитель в мгновенной аварии, чтобы инстинктивно свернуть руль. В его сознании вспыхнула связь, которой не было мгновение назад, словно она ждала его.

(Способность «Второе дыхание» разблокирована.)

(Отдайте часть жизненной силы, чтобы спасти пострадавшего на грани смерти.)

(Активировать?)

Он был хорош в одном: вытаскивать их. Это было все, в чем он когда-либо был хорош. Он надавил сильнее, вкладывая безмолвное «да» всей своей душой. Тепло потекло от него, исходя от его торса и распространяясь через ладони в тело Гаса. Это была его жизнь, отданная, жизненно важная и знакомая. Его зрение померкло; коридор закачался. Гас дернулся под его рукой, скуля одним функционирующим уголком рта.

Связь отрегулировалась.

(Способность «Второе дыхание» деактивирована.)

(Состояние субъекта: критическое, некротическое повреждение тканей. Невосстановимо.)

(Запас жизненной силы восполнен. Потеря нет.)

Присев в чужой луже крови, Башня забрала то, что Костя намеревался спасти. Гас булькнул один раз, предсмертный звук, и его грудь осела, отказываясь снова подняться.

(Игрок «Гас» устранён.)

(Активных участников в камере: 61.)

Шестьдесят один. Значит всего несколько секунд назад число было больше. Пока Костя был занят боем, система подсчитывала мертвых. Она считала их точно, до единицы. И теперь она уведомляла его о результатах, как будто исход имел для него значение.

Он имел значение. Он призвал их в это место. Он настаивал: «Двигаемся вместе». Он тащил Гаса за собой из чистой необходимости, не мог оставить его позади. Он прижал Гаса к стене, отвернулся, чтобы встретиться с парой тех, кто даже не поблагодарил его за жертву, и в следующую секунду Гас был мертв.

Ничего не меняется. Ты фокусируешься на одном, и кто-то другой ускользает.

Грызги уходили. Они были сыты, или, возможно, им просто надоело — Костя не мог сказать. Они растворились обратно в тенях так же непринужденно, как и появились, разделившись в разные стороны, унося в челюстях то, что унесли. Вопли, плач и мольбы разносились по коридору от других выживших. Кто-то засмеялся, надтреснутым, пустым звуком, рожденным полным опустошением.

Пахло железом и брызгало кишками. Костя узнал этот запах, и он мог означать только одно.

Дэн сидел на корточках рядом с тем, что раньше было Гасом, весь перепачканный, и дрожал, словно от простуды.

— Он был... живой, — задыхаясь, выдавил Дэн. — Ты спас же его... Он был жив...

— Был, — сказал Костя.

Он встал. Ноги держали плохо, рука горела, из нее лило. Надо было перетянуть, но руки пока не поднимались делать. Он оглядел зал. Живые сбивались по углам, подальше от темноты и друг от друга. И уже начиналось. У дальней стены трое здоровых мужиков что-то делили с четвертым. Тот прижимал к груди сверток и мотал головой, а те напирали. Совсем ничего не прошло, а люди уже отжимали у людей. Костя и это видел раньше. Это всегда начинается быстрее, чем можно поверить.

Перед глазами сама собой появилась строка:

Первый испытательный раунд частично завершен. Выжившие участники могут продолжить.

Под ней тем же официальным шрифтом, от которого у Кости сводило зубы:

Смертность в стартовом зале: в пределах ожидаемой.

Ожидаемых параметров. То, что только что произошло и лежало на серых камнях мокрыми кучами, было в пределах ожидаемых параметров. Им заранее рассчитали, сколько должно остаться. И ровно столько и осталось.

А в углу мерцала и менялась еще одна, совсем маленькая, едва различимая строка:

(Готовность: 5% → 7%)

Он никуда не рвался; никого не убил в панике. Он просто стоял и смотрел, как на его руках умирает человек, которому он не смог помочь. И почему-то, несмотря на то, что он гнал от себя мысли, цифра каким-то образом росла.

Костя схватил зубами ткань мертвой футболки Гаса, оторвал кусок и начал обматывать свою руку. Дэн молча следил за его движениями. Не уходил.

— С каких пор ты за мной ходишь? — спросил Костя без интонации. Он был слишком уставшим, чтобы это звучало как вопрос.

— Не знаю, — честно ответил Дэн. — С тобой не так страшно.

Костя затянул узел зубами. Хотел сказать пацану, что как раз с ним страшнее всего. Что рядом с ним люди умирают, вон, спроси у Гаса. Не сказал. Только кивнул на светлый проем в дальней стене, где скапливались живые. Туда, где Башня обещала им переход и дорогу наверх, к награде, которая вернет все, что они потеряли.

— Идем, — сказал он. — Держись рядом. И не беги никогда. Слышишь? Что бы ни было — один не беги.

Глава вторая. Тихая зона

Яркий дверной проем уступил место короткому коридору, где никто не хочет погибнуть. Из-за этого Костя не придал ему значения.

Небольшой круглый зал, гораздо меньше первого. Стены ровные и теплые бежевые, свет мягкий, льющийся сверху и не режущий глаза. Чистый, сухой пол, никакой крови, никакой серой каменной пыли. Каменные сиденья по периметру, словно специально построенные, можно было присесть и перевести дух. Запахов нет: ни железа, ни гнили, просто приятный чистый ветерок.

Все вошли и остановились. Человеческому глазу это место страшнее любого монстра, когда-либо выползавшего из предыдущего зала.

В его глазах появился какой-то текст:

(Тихая зона. Здесь вас не тронут.)

(Отдыхайте, Вошедшие. Дорога наверх длинная.)

Костя взглянул вниз, там он прочитал:

(Тихая зона открывает Магазин.)

(Обменивайте искры на снаряжение, пока есть возможность.)

Вот как они работают. Дают тебе передохнуть, а потом ставят перед лицом продавца. Косте это было знакомо, он видел такое во многих местах и на многих рекламных щитах. Сначала спаси меня, потом заberi мои деньги. Костя не озвучивал свои мысли, он просто осмотрел зал и начал считать.

Примерно шестьдесят человек вышло из первого зала, не все смогли сюда добраться, Костя начал считать, сбился, начал снова, сдался, двадцать человек потерялись в коридоре или отстали или просто сели в темноте и не смогли встать.

Он довел своих до ниши у стены. Гаса не было. Гас остался в первом зале, на сером камне, с тем, что стало вместо лица. Костя усадил Дэна, сам сел рядом. Рука в намотанной тряпке горела и дергала, но кровь перестали идти.

Зал наполнился гулом, люди постепенно приходили в себя, кто-то начал рыдать в голос, не скрывая этого от остальных, кто-то просто сидел с пустым взглядом, двое среднего возраста обнялись и покачивались, как в штормовом корабле, молодая женщина начала бегать по залу от одного сиденья у стены к другому, спрашивая людей, не видели ли они красную шапочку маленького мальчика. Не видели, она спрашивала их снова. Костя смотрел на нее и отвернулся, что он мог для нее сделать?

В дальнем углу уже начиналось что-то другое.

Трое сбились над четвертым. Тот самый мужик со свертком, которого зажимали еще в первом зале. Они его добились. Мужчина сполз на пол, спиной к стене, прикрывая холщовую сумку руками. Трое мужчин нависли над ним и что то говорили. Один из них был огромен, с бритой головой и шеей толще черепа. Он не ударил; он просто наклонился вперед и ждал. С паузой мужчина, сжимавший сумку, заметно уменьшился.

— Отдавай без суеты, — услышал Костя. — Тут все общее теперь. Или не общее?

Мужчина пробормотал. Большой выдохнул и поставил ногу на руку мужчины, надавливая с весом. Раздался приглушенный, хрустящий звук костей. Мужчина застонал и разжал пальцы. Сумку выхватили. Трое ушли неторопливым шагом, как будто просто забрали свое имущество.

Костя не сводил глаз со сцены и не вставал. Он осознал свое бездействие и отшатнулся от него. Это случилось бы раньше, но теперь он остался на месте, потому что его рука была

испорчена, потому что Дэн был позади него, потому что трое были в порядке, а он сам был почти на исходе. И ему было ужасно.

— Что они делают? — прошипел Дэн.

— Они забирают вещи, — ответил Костя. — Теперь такие правила. Здесь кусаются не только твари. Держись подальше от этих троих. Особенно от лысого.

Дэн кивнул и зарылся глубже в нишу.

— Отдышись пока, — сказал ему Костя. — Здесь спокойно, правда.

Он выпрямился. Его тело продолжало дрожать, но дрожь была слабее. Он обнял колени и посмотрел вниз.

— Их там столько осталось, — пробормотал он, — лежало там. Старуха в платье. Она проснулась рядом со мной и спросила, где мы. Я не знал, что сказать.

— Постарайся не думать об этом пока, — сказал Костя. — Потом. Не сегодня.

Он и сам так делал всю жизнь. Разбор потом. На месте только руки и голова, а чувствовать будешь дома, если будет дом. Дома у него больше не было, но привычка осталась.

Наступила тишина. А потом Дэн всхлипнул.

— Я называл тебе имя. Но ты так и не спросил, кто я.

— Кто ты?

— Никто, пока, — улыбнулся Дэн, странно и с большой зрелостью. — Я закончил девятый класс. У мамы было две работы. Я всегда был на лестничных клетках, крышах, бродил. Там, где не следовало бы. — Пауза. — Я умер глупо. Залез на здание с другими ребятами на спор. Упал. Так и не узнал, кто первым достиг вершины.

Костя не ответил сразу. Парень говорил так, будто это были детали чьей-то чужой жизни, но Костя уловил, чего стоило это сказать. Шестнадцать лет. Мама работает в две смены. Крыши. Теперь башня кишит монстрами, а в коридоре внизу — мертвый Гас.

— Ну, вот что бывает, когда пытаешься забраться на Башню, — сказал он наконец. — Увидишь, кто поднимется выше всех.

Дэн хмыкнул. Шутка была плохая, но парень ее принял.

— У меня теперь тоже есть класс, епты, — продолжил он. — Пока шли. Загорелось и показало.

— Какой класс?

— Ассасин. — Дэн сказал это без гордости. Скорее с опаской. — Я думал, дадут что-нибудь нормальное. Меч там, щит, как у тебя. А дали Ассасина. Я даже не знаю, как это.

— И что делает Ассасин?

— Ну, — Дэн нахмурился, поднял палец в воздух и вгляделся в свое. — Тут написано так: *(Бей из тени.*

Первый удар в спину бьет втрое.

Ходи бесшумно, двигайся быстро.

Работай коротким клинком.

Добивай раненого, пока он не видит.)

Дэн опустил руку. Он был бледный.

— Оно про то, чтоб убивать, — сказал он тихо. — Втихую. Сзади. Я такого не умею. Я вообще никого... — Он не договорил.

Костя молчал. Класс и правда был не про то, чтоб выжить, прячась. Класс был про то, чтоб убивать первым, быстро и грязно, пока враг не обернулся. Из этого тощего пацана с челкой такого убийцу представить было тяжело. Пока тяжело.

— Слушай сюда, — сказал Костя. — Класс хороший. Злой, но хороший. Знаешь, чем он хорош?

— Чем.

— Тем, что тебе не надо стоять в лоб, как мне. Я стенка. Я принимаю удар и держу, пока держится. А ты другое. Ты заходишь сбоку, бьешь один раз и решаешь. Мне, чтоб свалить тварь, надо десять ударов и всю спину. Тебе — один, если в нужное место. — Костя посмотрел на него. — Это страшный класс, Дэн. Но живой. Мертвые не такие получают.

— А какие мертвые получают?

— Не знаю. Может, никаких. Может, тем, кому по классу лезть в самое пекло, чтоб там и остаться.

Дэн подумал.

— Ты меня утешаешь.

— Немного, — честно сказал Костя. — Но по делу тоже. У тебя нет силы, чтоб рубиться, как взрослый мужик. И не будет скоро. Зато ты быстрый и мелкий, тебя не видно. Это не слабость. Это твое оружие. Кинжал в спину решает бой не хуже топора в лоб. Часто лучше.

— У меня и кинжала нет.

— Будет. — Костя кивнул на воздух, где у него самого висел список магазина. — В твоём магазине глянь. Спорим, там ножик есть. Дешевый, поганый, но есть. Под класс дают.

Дэн повел глазами, читая свое, и Костя увидел, как у пацана чуть дрогнули губы. Нашел.

— Есть, — сказал Дэн. — «Щербатый нож новичка». Две искры. У меня как раз две.

— Бери. И слушай меня. Пока не умеешь — не лезь. Смотри, как другие дерутся, учись. Твое время придет, когда научишься подходить тихо. А до того держись за мной и не геройствуй. Понял?

— Понял, — сказал Дэн и купил нож.

Он вытащил его, когда тот появился в руке из ниоткуда, — короткий, кривой, с щербиной на лезвии, дрянь, а не нож. Но Дэн держал его так, будто ему дали что-то важное. И правда дали.

Дэн снова выглядел спокойным. Костя прислонил голову к теплой стене и наконец посмотрел на строки своего класса. В другом зале не было времени это сделать.

Костя мысленно потянул за столбец в общем, и он открылся.

Костя. Входящий. Уровень 3.

Класс: Рыцарь-Спаситель.

Сила: 3.

Ловкость: 2.

Выносливость: 4.

Интеллект: 2.

Сила воли: 4.

Свободные очки для распределения: 2.

Очки опыта (искры): 9.

Было всего два очка. Костя получил их за два уровня. Костя посмотрел на эту строку и думал, куда лучше распределить эти очки.

Вдруг он получил короткий ответ совсем рядом. Как будто Башня слышала его вопрос.

Сила: урон в ближнем бою и сколько можешь поднять и унести.

Ловкость: скорость, точность удара, шанс уйти от захвата.

Выносливость: запас здоровья, стойкость к ранам, холоду и усталости.

Интеллект: запас внутренней энергии на способности и предметы, скорость сообщать в бою.

Сила воли: стойкость к страху, боли и мороку, сопротивление тому, что ломает рассудок.

Костя прочитал этот текст во второй раз, потом в третий.

Сила — это то, насколько сильно ты можешь ударить и унести. Он уже нес. Пока этого было достаточно. Он не стремился делать это сильнее. У него была другая проблема. Дело было не в том, что он бил сильно; дело было в том, что он бил слишком поздно. На полсекунды опоздал с Гасом. Он был слишком медленным, а зверь — слишком быстрым. Он не пробежал пятнадцать метров для хорошего удара; он был просто слишком большим и тяжелым, чтобы это сделать. И это бы не помогло, даже если бы он был быстрее, потому что ударить сильнее не спасло бы Гаса. Но если бы Костя был быстрее, он бы успел. Он не хотел быть просто стеной, которая двигается медленно. Ему нужен был способ добраться до тех, кто далеко.

— Ловкость, — пробормотал он себе вслух.

И он присвоил одно очко. Второе очко он оставил на потом, когда лучше поймет, что из двух нужнее. Ничего с ним не произошло. Ни вспышки света, ни волны энергии, как в историях. Его тело лишь немного изменилось, как будто он потянулся после долгого сидения. Его руки и плечи казались легче, как будто стали быстрее. Мелочь, но Костя верил, что мелочь может, рано или поздно, иметь огромное значение в жизни.

(Ловкость: 2 → 3.)

А теперь в Магазин. Костя подумал об этом, и магазин открылся прямо перед его глазами: небольшой, короткий список. Он сразу понял, что это личный список, созданный специально для него, для рыцаря-спасителя, и в нем не было ни луков, ни ножей, ни чего-либо, что мог бы понадобиться теневому убийце. Все было тяжелым, все было построено вокруг того, чтобы стоять и ждать.

Щит Входящего с зазубринами.

Деревянный, с железным ободом.

Рейтинг брони: 2. Прочность: 6/10.

Можно использовать для блокировки других, стоящих рядом.

Цена: 8 искр.

Стеганный гамбезон.

Большое, набитое ватой пальто.

Рейтинг брони: 2. Прочность: 8/10.

Цена: 6 искр.

Шлем с вмятиной.

Шлем с вмятиной, показывающей использование.

Рейтинг брони: 1. Прочность: 5/10.

Цена: 4 искры.

Кожаные наручи.

Защищают предплечья от укусов и захватов.

Рейтинг брони: 1. Прочность: 7/10.

Цена: 4 искры.

Дубина с железным ободом.

Тяжелое, простое, надежное оружие.

Рейтинг урона: 4. Прочность: 9/10.

Цена: 7 искр.

Костя продолжал пересматривать кожаные наручи: Кожаные наручи. Защищают предплечья от укусов и захватов. Он на мгновение остановился и посмотрел на свою руку, перевя-

занную окровавленной полосой одежды мужчины, который только что умер. Если бы у него были такие наручи час назад, зверь не откусил бы кусок плоти от его локтя. Четыре искры. У него было девять.

Он смотрел на список и понимал простую, злую вещь. Купить он мог одно. Ну, край, два самых дешевых. А нужно было все. Щит, чтобы прикрывать не только себя. Дубина, чтобы не колотить тварей камнем, как дикарь. Броня, чтобы дожить до следующего зала. Девять искр. Смех, а не деньги. За все это надо было убивать и убивать, а искры падали по одной, по две.

Малое лечебное зелье.

Лечит раны, уменьшает боль.

Цена: 5 искр.

Зелье бодрости.

Восстанавливает силы, временно снимает усталость.

Цена: 3 искры.

Свиток «Щит веры».

Одноразовое использование.

Создает временную стену, которая принимает удар за вас.

Цена: 10 искр.

Свиток стоил десять. Это было даже больше, чем Костя мог себе позволить. Он иронично подумал об этом. То, что для тебя важнее всего, стоит дороже, чем ты можешь себе позволить.

Он купил кожаные наручи. За четыре искры. Это было и полезно, и не дорого. Он поднял запачканную ткань, выбросил ее и надел наручи на запястья. Кожа была негибкой, но идеально подходила к руке. Под наручами все еще болело, но теперь между рукой и воздухом был слой. Осталось 5 искр. Он их сэкономил. Сэкономил на черный день.

(Покупка: Кожаные наручи.)

(Осталось искр: 5.)

— Что купил? — Дэн наклонил шею.

— Наручи, — сказал Костя. — На остальное искр нет.

— А у меня ничего, всего две искры, — вздохнул Дэн. — В моем магазине были отмычки, веревка, склянка, чтобы маскировать мой запах. Фигня.

— Не фигня, — сказал Костя, — это то, что тебе нужно как классу, как тому, кто должен красться, а не сражаться. В нужный момент веревка ценнее меча.

Он даже не успел договорить.

— Мудро, — сказал кто-то рядом с ними, — хотя веревкой ни одно существо не убьешь.

Костя поднял голову.

Кто-то над ними стоял. Мужчина лет 40, очень подтянутый, с короткими, причесанными волосами и чистой одеждой, казалось, максимально чистой в первый день их миссии. Он смотрел на них сверху, тихо и слегка улыбаясь, как будто уже знал и был доволен тем, что нашел.

— Меня зовут Курт, — представился он и сел, не дожидаясь приглашения. — Я видел тебя в зале. Ты хорошо командуешь. Люди тебя слушают.

— Костя.

— Очевидно. Твой мальчик очень разговорчив, — сказал Курт, указывая на Дэна, который оставался незамеченным. — Костя, ты умеешь управлять стадом. Полезный навык, но ты используешь его не по назначению.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что ты тащишь за собой много людей, — сказал он безэмоционально, как будто считал в уме. — Я видел. Ты помог тому толстяку, пока все вокруг них были пере-

биты. И даже если это не твоя вина, это было обречено в любом случае. Это была пустая трата времени, и ты мог бы спасти двух легких вместо одного тяжелого. Посчитай.

Костя ничего не сказал. Что было так раздражающе, так это то, что Курт говорил точно так же, как Башня. Башня предупреждала его именно об этом. Чем сильнее лидер, тем слабее они, и в итоге ты только тащишь всех остальных за собой, а потом все они погибают. Только Башня говорила это с холодной рациональностью, а Курт — с ухмылкой на лице.

— Твой класс? — спросил Костя.

— Провидец. — Курт улыбнулся шире. — Забавно? Да. И очень хорошо для меня. Я вижу цифры. Сколько каждый стоит, как каждый выживет, его шанс. Все его навыки, предметы, уровень. Я смотрю на тебя. Я вижу. — Он сосредоточился. — Рыцарь-Спаситель. Завораживает.

— И что ты видишь?

— Я вижу дурака с доброй душой. — Это было сказано почти ласковым тоном. — Твой класс, Костя, не для тебя. Он для других. Ты — стена, и ты — целитель. Кто-то другой пострадает, ты примешь это на себя. Без других людей ты слаб, нет урона, нет силы, нет скорости. Но пока вокруг тебя есть другие, ты жив. Сам по себе? Ты пропал, Костя.

Он сказал это и откинулся назад, как будто довольный тем, что препарировал и выставил напоказ чьи-то внутренности.

— Знаешь, что это значит? — продолжил Курт. — Это значит, что ты всю дорогу будешь тащить на себе балласт. Слабых, раненых, детей. Потому что без них ты никто, а с ними ты медленный. Тебя сама Башня привязала к обузе. — Он развел руками. — Я бы на твоём месте застрелился. Хорошо, что нечем.

— А ты планируешь идти налегке, да? — спросил Костя.

— Я пойду с умом — Курт встал, отряхнул колени, хотя пачкаться тут было негде. — Я иду с теми, кто тянет вверх, и ухожу от тех, кто тянет вниз. Пока держусь рядом с тобой, кстати. Ты полезный. Стадо возле тебя жирное, а стадо это мясо для тварей. Пока грызут стадо, я иду дальше. — Не обижайся. Просто выживание.

Он отошел к другой нише и сел там один, спина прямая, руки на коленях. Он сидел как король в шатре, без никого, с кем можно было бы сидеть. Он сидел как волк, ожидающий.

Дэн смотрел ему вслед, и лицо у пацана было злое.

— Козел какой, — сказал он тихо. — Про Гаса так. И про меня — балласт.

— Ублюдок, — согласился Костя. — Но не глупый, вот в чем загвоздка.

Он и правда так думал. Хуже нет врага, чем тот, кто говорит правду с гнильцой. Курт был прав, совершенно прав. Его расчеты были хороши, но все остальное было мерзко, и было трудно отделить одно от другого. Костя знал все о своем классе, что сказал ему Курт, он знал это даже без Курта. Он знал, что сам по себе он слаб. Он знал, что будет нести свой груз до самого верха. Для Курта это была смертная казнь. Для Кости — это был смысл. В этом был смысл, он всегда так делал. Стоять перед другими и латать их дыры. Он не знал, как делать это иначе, и ему было все равно. Эта тусклая, серая линия, которую видел только Костя, спрятанная в углу, где сидел Курт, привлекла его взгляд. Все время, пока Курт болтал, число не менялось. Но в тот момент, когда Костя принял решение идти вперед, несмотря ни на что, что предсказывал этот идиот, счетчик начал ползти вверх.

(Готовность: 7% → 8%)

Свет в зале начал медленно гаснуть по краям, стягиваясь к дальней стене, к новому проему, где разгоралось знакомое светлое пятно. Тихая зона выпроваживала. Отдохнули, купили, хватит. Пора наверх.

Перерыв окончен. Открыт переход на следующий этаж.

Остальные поднялись. Толпа жалась к Косте. Люди теперь знали, куда идти за ним. Они знали, куда ступать. Курт встал, один, и сразу же присоединился к ним у порога.

Костя поднялся на ноги. Он проверил ремешки на наручах и сжал ладонь. Хватка надежная. Он коснулся плеча Дэна.

— Пошли. Держись с внутренней стороны. Следи за ситуацией. Твоя задача — предупредить меня об опасности.

Лицо Дэна стало серьезным. Ему была поставлена важная задача.

Свет впереди становился ярче, и они двигались вперед вместе с толпой, которые решили следовать за спасителем, который не мог никого спасти. Следующий этаж был впереди. Что ждало на следующем уровне, он не мог знать. Все, что он мог предвидеть, — это еще одна группа, которую он потеряет.

У самого проема его на миг придержало. Так у него бывало и раньше, на службе, за секунду до того, как под ногами треснет лед или рухнет балка. Тело знало беду чуть раньше головы. Он привык этому верить, это чутье не раз спасало ему шкуру, а с ней и чужие.

Сейчас чутье говорило одно. Там, за светом, куда все они шли с надеждой, будет хуже, чем в первом зале.

Костя не сказал этого вслух. Люди шли за ним, потому что он знал, что делать, а тот, кто ведет, не пугает тех, кого ведет. Он просто шагнул в свет первым, заслонив собой проем, как заслонял всю жизнь, и остальные потянулись следом, в новый этаж Башни, которая уже посчитала, сколько их отсюда выйдет.

Глава третья. Мертвый лес

Свет проема выплюнул их в туман.

Костя вышел первым, как привык, и сразу встал. За спиной толкались остальные, налезали, но он не двигался, дал глазам привыкнуть. Воздух тут был другой. Сырой, стылый, с гнильцой, будто дышишь над старым погребом. Под ногами не камень, а земля. Мягкая, серая, мертвая земля, в которую нога уходила чуть глубже.

Потом туман раздернуло, и Костя увидел, куда они попали.

Лес. Только лес этот был мертвый весь, до последнего сучка. Деревья стояли черные, голые, скрученные, будто их палили огнем, а потом заморозили. Ветки тянулись вверх кривыми пальцами, ни листа, ни почки. Кора висела лохмотьями. Деревья уходили во все стороны, сколько хватало глаз, и терялись в буром тумане, и не было им ни конца, ни края. Небо над лесом висело низкое, глухое, серое. Солнца не было, да и свет шел мутный, как перед грозой, которая никак не начнется.

Тихо было так, что Костя слышал, как за спиной у кого-то стучат зубы.

— Это что за место, — сказал Дэн шепотом. Он всегда теперь держался у левого локтя Кости, приучился. — Тут же ничего живого.

— Мертвое все, — сказал Костя. — Держись рядом. Ножик достал?

Дэн кивнул и вытащил свой щербатый нож. Держал он его пока неправильно, слишком крепко, костяшки белые. Но держал.

Люди выходили из проема и растекались, сбивались кучками. Их осталось меньше сорока. Костя видел знакомые лица из тихой зоны, видел и лысого с его тремя, те держались особняком, плотно. Курт вышел одним из последних, огляделся спокойно, будто прицениваясь, и отошел в сторону, ни к кому не примкнув.

Перед лицом у Кости развернулась строка.

(Этаж второй. Мертвый лес. Добро пожаловать, Вошедшие.)

И тут же, ниже, деловито:

(Выход с этажа закрыт. Открыть врата может только тот, у кого есть Погребальный жетон. Жетоны спрятаны в лесу: в склепах, в пещерах, у мертвых. Найдите жетон, чтобы пройти дальше.)

Костя дочитал и уже понял, что тут есть подвох. Такие вещи бесплатно не дают. Он ждал продолжения, и оно пришло.

(На поиск отведено пять дней. Кто не выйдет за врата в срок, останется в Мертвом лесу навсегда.)

По толпе пошел ропот. Люди читали свое, до кого-то доходило быстрее, до кого-то медленнее. Пять дней. Найди жетон или оставайся тут навсегда, среди черных деревьев, в этой мертвой тишине. Костя обвел глазами лес и подумал, что оставаться тут ему не хочется совсем. Лучше сдохнуть в бою, чем вращать в эту серую землю.

— Пять дней, — сказал рядом мужской голос. — Ну хоть не час. За пять дней найдем.

Костя не ответил. Он смотрел на землю под ближним деревом. Земля там шевелилась.

— Оружие к бою, — сказал он громко. — Из земли лезет.

Никто не успел понять.

Земля вспучилась, лопнула, и из нее полезла рука. Костяная, желто-серая, без мяса, с обрывками какой-то ткани на предплечье. За рукой поднялась голова, череп с землей в глазницах, потом весь он, скелет, встал в полный рост, качнулся и повернул череп к людям. Челюсть отвисла и клацнула.

И полезли по всему лесу. Из-под каждого дерева, из бугров, из провалов. Земля вскрывалась десятками, сотнями мелких могил, и отовсюду поднимались кости.

(Восставший. Уровень 2.)

(Восставший. Уровень 2.)

Восставший, восставший, восставший...

Строки вспыхивали и гасли, Костя не читал. Он видел одно: их окружают, и их много, и надо не дать толпе разбежаться, потому что разбежавшихся сожрут поодиночке.

— В кучу! — заорал он. — Все ко мне, в кучу, спина к спине! Не разбежаться!

Первый скелет дошел до него. Двигался медленно, враскачку, тянул костяные пальцы. Костя не стал ждать. Он шагнул вперед и ударил кулаком в наруче, снизу вверх, в челюсть. Голова хрустнула, отломилась, отлетела в туман. Скелет сделал еще шаг без головы, потом сложился и рассыпался грудой костей.

— В голову бей! — крикнул Костя. — По башке, они ломкие!

Легкие. Он это сразу понял. Скелет был хрупкий, кость сухая, ломалась как гнилая ветка. Но их было столько, что легкость не помогала. Один слабый, а сто слабых сожрут кого угодно. Началось.

Костя встал впереди своей кучки, заслонил других и бил. Кулак, локоть, снова кулак. Черепа лопались, кости летели. Кто-то из мужиков подобрал сук потолще и молотил рядом, неумело, но злобно. Дэн жался за спину, Костя чувствовал его лопатками и специально держал так, чтобы пацана не достали.

Скелетов было слишком много.

Женщину справа Костя не уберег. Она была не из его кучки, стояла чуть дальше, и на нее навалились сразу трое. Один вцепился костяными пальцами ей в волосы, рванул, запрокинул голову. Второй вцепился в лицо, и Костя увидел, как желтые пальцы входят ей в рот, в глаза, рвут щеки. Она захлебнулась криком и кровью. Третий распорол ей живот когтями, легко, как бумагу, и туда, в дымящуюся дыру, полезли сразу все, отталкивая друг друга, выгребая горстями. Женщина еще кричала, когда они начали жрать. Потом перестала.

— Не смотреть! — рывкнул Костя тем, кто застыл. — Бей ублюдков! Отвернулся — сдох!

Он не мог к ней пробиться. Между ним и ею было десять скелетов, и за спиной у него был Дэн и еще пятеро, которых он держал живыми. Пробейся он к женщине, эти пятеро останутся без прикрытия. Старая арифметика. Он ее ненавидел, но считал быстро, как дышал.

Слева попер здоровый скелет, крупнее прочих, с чем-то вроде ржавого тесака в костяной руке. Он рубанул, Костя принял на наруч, кожа лопнула, руку прошило болью до плеча. Костя перехватил костяное запястье, вывернул, оно хрустнуло и сломалось, тесак упал. Костя подхватил его на лету и с размаху всадил скелету в череп, расколол пополам. Кости брызнули.

Подобран: «Ржавый костяной тесак»

Редкость: обычный.

Урон: 3.

Уровень предмета: 2.

Прочность: 5/10.

Цена продажи: 2 искры.

Восставший. Уровень 3. Убит

Уровень повышен: 3 → 4.

Он даже не глянул на строку. Тесак был кстати. Теперь в руке было железо, и дело пошло быстрее.

Сзади вскрикнули. Костя рванулся, обернулся. Один из его пятерых, мужик в очках, немолодой, замешкался, и на него сзади налез скелет, повалил, подмял. Костяные пальцы уже рвали ему ворот, тянулись к горлу. Мужик орал и слабо отбивался, а скелет клацал челюстью у самого его лица, примеряясь.

Костя не успевал. Три шага, а между ними еще двое скелетов.

— Дэн! — крикнул он. — Ближе к нему! Нож!

Дэн среагировал. Не думал, что хорошо, потому что подумал бы и струсил. Он прыгнул к упавшему, сунул нож скелету в затылок, между костей. Вышло опять криво, нож застрял, скелет дернулся, но отвлекся от горла. Этого хватило. Костя добил двоих на пути, дошел, снес костяному башку тесаком.

Костя посмотрел вниз. Лежащий в очках человек стонал, окровавленный, сломанный. — Вставай, вставай, — прошипел Костя, схватив его за затылок и рывком подняв. — Нет времени валяться сейчас.

Он рубил своего врага. Кости летели во все стороны, хрустя под его каблуком. Черный туман был густым от грязи и темной, вязкой жидкости, сочившейся из скелетов вместо крови. Он ударил по черепу с такой силой, что тот раскололся надвое, и изнутри выпала сморщенная масса, похожая на высохший гриб. Мозг, каким он становится через годы. На мгновение Костя почувствовал внезапный приступ тошноты и сожаления, но не колебался, его клинок продолжал подниматься и опускаться.

Неизбежно темп боя замедлился. Вскоре они начали умирать один за другим. Последнюю группу упокоили несколько человек, стоявших на безопасном расстоянии друг от друга. Тяжелая тишина заполнила лес. Затем одинокий крик, звук чьей-то рвоты, звук грязи. Звук падения.

Затем Костя пересчитал своих людей, посмотрел на них. Дэн был бледен, но невредим. Пятеро, стоявшие за ним, тоже уцелели. А по всему лесу лежали те, кого не уберегли. Костя насчитал шестерых, сбился. Он отвел взгляд, стараясь не видеть единственное, чего не мог: женщину, у которой был разорван живот.

И тут он заметил нечто отличное от битвы. Тела начали исчезать. Не мгновенно и внезапно, как будто их никогда не было. Нет. Медленно и беззвучно. Та женщина, которую разорвало пополам, все еще лежала в луже крови, но эта лужа, казалось, внезапно втянулась в землю, затем ее не стало. Она лежала, провалилась под землю и исчезла в сером, как будто это была вода. Прошла минута, на этом месте земля опустела. Осталась только земля, слегка приподнятая в одном месте. Как клумба, посаженная сегодня.

— Костя, — прошептал кто-то. — Куда они делись?

— Не знаю, — сказал Костя. Он старался не думать об этом. И он знал, что лес забирает своих мертвецов. Он собирал павших. Быстро и эффективно. Как будто человека там никогда и не было. А что, если существует что-то вроде второго шанса, как будто у этого места есть кнопка сброса, как в видеоиграх? Тогда зачем лес так спешил убрать тела? Мертвецы, которым это не нужно, просто были похоронены. Это была мрачная мысль, но он не хотел думать о ней сейчас.

— Пойдемте дальше, — громко объявил Костя. — Мы не можем стоять здесь вечно. Мы ищем этот жетон и ищем укрытие, чтобы отдохнуть, иначе мы скоро упадем на колени.

Люди двинулись. Они шли долго, шли по мертвому, бесплодному лесу, шли по серой земле. Костя был впереди, на ведущей позиции. За ним следовала небольшая группа людей. За ними шла еще одна группа мужчин. И тот лысый мужчина и его люди. За ними. И Костя чувствовал их взгляды на себе, на затылке. Курт шел чуть дальше один, осматриваясь и что-то подсчитывая глазами.

Осталось несколько одиноких скелетов. Один скелет стоял у дерева, стоял один и качался, спал на ногах. Слабый, первого уровня. Костя даже читать не стал, просто хотел подойти и разбить этого костяноголового вдребезги, но Дэн потянул его и коснулся рукава.

— Я попробую, епты, — сказал он тихим голосом. — Я должен. Только для меня, для моего класса.

Костя посмотрел. Мальчик был напуган, но серьезен. Он был прав, мальчик должен был учиться на слабых, пока у него была возможность.

— Делай, — сказал Костя. — Иди сзади. Он тебя не услышит, целясь в шею, снизу, вверх, там позвонки сбоку, в голове. Осторожно, размахнись и ударь.

Дэн сглотнули сделал это. Он сделал, но неумело, слишком напряженно, на цыпочках; это не крадущаяся походка, это просто неуклюжесть. Однако кость его не услышала, она просто стояла и качалась. Дэн подошел сбоку и поднял нож; Костя увидел, как дрожит его рука, и замер. Он еще не ударил.

— Дэн, — сказал Костя тихим голосом. — Ударь.

Дэн ударил. В первый раз было неправильно. Нож соскользнул, коснулся чего-то, кость накренилась и начала поворачиваться; Дэн вскрикнул и ударил снова, не умело, а тыкая, испуганно, часто. На третий, может быть, на четвертый удар нож попал в цель, между позвонками, щербатый нож новичка перерезал старую высохшую шею. Череп упал с шеи; скелет рухнул, превратившись в кучу костей.

Дэн стоял над костями, тяжело дыша, дрожа; его рука с ножом была покрыта черным.

(Убит: Восставший, ур. 1.)

— Я... — Дэн поднял глаза. — Я его убил. Сам епты. Грохнул костяного идиота.

Костя подошел, положил руку на плечо мальчика; плечо все еще дрожало.

— В первый раз всегда так, все неуклюже и страшно. Ничего. В следующий раз выйдет чище.

Дэн сглотнул.

— Нормально так бояться, — сказал Костя. — Может даже тошнить. Плохо, когда не тошнит.

— Пойдем.

Он не сказал Дэну, что это на самом деле были люди, умершие много лет назад; сам Костя не имел особого представления, он не хотел нагружать Дэна. Это произойдет позже; если вообще будет позже.

К вечеру, если был вечер, стемнело, и Дэн, который первым побежал вперед, на разведку, остановился, наклонился и подал какой-то знак. Костя подошел. Впереди, среди деревьев, стояла часовня. Старое каменное сооружение, вросшее в землю по окнам. Крыша с одной стороны обвалилась, стены треснули, но она держалась.

Станным было то, что земля вокруг нее не шевелилась. Там ничего не происходило, никакого движения, никаких торчащих костей, никаких холмиков, похожих на свежие могилы. Кости просто держались подальше от этого места. Какое-то время Костя стоял, доверяя своим инстинктам. Они тоже ничего ему не говорили, просто оставались тихими и мирными. Это место было тихим, и это была не плохая тишина.

Он вошел внутрь. Перед ним промелькнула строка текста.

(Убежище. Мертвые не потревожат вас здесь. Отдохните.)

(Открыт Магазин.)

Внутри было пусто, пыльно и сухо. Мутный свет сочился сквозь дыру в крыше. Люди протиснулись за ним, молчаливые и измученные, просто опустились на пол и прислонились к стенам. По сравнению с тем, что они оставили позади, лесом и битвой и смертью, это было почти комфортно. Это был дом.

Костя прислонился к стене, вытянув ноги. Порез на руке, под разодранным наручем, адски горел. Он размотал полоски ткани, посмотрел на рану. Длинная, но не глубокая, наруч спас его, иначе достало бы до кости. Он вызвал свой магазин. Проверил последние предметы. Было пара новых вещей. Из обычной коллекции, зелий и частей брони, светилась другая строка текста, более яркого цвета, другого оттенка.

(Свиток Возрождения. Очень редкий. Возвращает к жизни одного умершего в Башне. Единственный способ вернуть того, кто выбыл. Одноразовый. Цена: 500 искр.)

Костя прочитал дважды. Пятьсот. У него осталось пять. Он фыркнул, но без веселья. За скелета дают одну или две искры, и то не всегда, как повезет. Чтобы получить пятьсот, пришлось бы убить больше пятьсот монстров и просто потратить время на это, не будучи съеденным.

— Пятьсот, — сказал Дэн рядом с ним, читая через его плечо. — Это число, которое нужно убить. Он покачал головой. — Значит, это действительно работает. Возрождение?

— Я действительно понятия не имею, — сказал Костя. — Если кто-то может возродиться здесь, значит ли это, что мы не совсем мертвы, как ты сказал, это как видеоигра. Умереть, воскреснуть?

— Это хороший вопрос. Это то, что Костя сам себе задавал. — Ты заметил, — спросил он шепотом, что случилось с трупами. В лесу. Они ушли в землю, исчезли. Или... если это действительно может вернуть мертвых, почему они так быстро избавляются от тела? Потому что в видеоиграх, если тебя возвращают к жизни, трупы остаются и ждут там, они не исчезают. А здесь земля просто проглотила их. По сути.

Костя покачал головой.

— Я не доверяю этому возрождению. Я думаю, свиток там только для того, чтобы мы надеялись и копили. Приманка. А работает ли он на самом деле, кто знает. Никто из живых его не использовал. А мертвые ничего не могут нам сказать.

Дэн притих.

Костя и сам не знал, отчего так уверен. Но чем дольше он был в Башне, тем яснее чувствовал: тут все устроено, чтобы ты хотел, тянулся и надеялся. Слишком заботливо. Слишком удобно разложена морковка. Он таких мест не любил. За заботой обычно стоял тот, кому ты зачем-то нужен.

Он глянул в угол, где на самом краю зрения висела его тусклая строчка, та, что видел только он. Пока он не верил свитку, пока думал, что все это обман, цифра стояла. А потом Дэн рядом сказал: «Все равно накопим, да? Вернем кого надо», — с такой детской надеждой сказал, что у Кости что-то сжалось. И цифра в углу тихо дрогнула вверх. Не от него. От того, что рядом кто-то поверил.

Костя отвернулся от нее.

В часовню входили последние. И один из последних заставил Костю приглядеться.

Мужик. Здоровенный, на голову выше всех, широкий, как шкаф. Борода лопатой, руки как у грузчика, кулаки с детскую голову. Он не пер вперед, не толкался, шел спокойно, вроде даже мягко для такой туши. Сел у противоположной стены, привалился к камню, и стена будто стала меньше. Оглядел людей спокойными глазами. Просто смотрел.

Лысый со своими тоже на него глянули. Костя заметил, как лысый прикинул здоровяка взглядом, что-то смекнул и решил пока не связываться. Значит, и лысый понял, что мужик не простой.

Здоровяк поймал взгляд Кости. Кивнул ему, спокойно, по-мужски. Костя кивнул в ответ.

— Дэн, — тихо сказал Костя. — Глянь мельком, ненавязчиво. Вон тот, здоровый. Приметил его?

— Ага. Кабан какой. — Дэн покосился. — Думаешь, опасный?

— Думаю, к нему стоит подсесть, — сказал Костя. — Пока по-доброму. Такой в бою на вес золота. И такого лучше в друзьях.

Он еще не знал, что здоровяка зовут Бьорн. Не знал, что тот умеет то, чего Костя и вообразить не мог. Знал одно, чутьем, тем самым, рабочим: этот мужик выживет. А рядом с теми, кто выживает, есть шанс выжить и тебе.

Костя устало прикрыл глаза. Дал себе минуту. Всего минуту, потом надо было думать про жетон, про пять дней, про то, как вывести отсюда своих.

И в этот момент по часовне, по всем сразу, развернулась новая строка. Крупная. Общая. Ее читали все разом, и Костя услышал, как по залу пополз испуганный шепот, а потом кто-то выругался, а потом заорал.

(Внимание, Вошедшие. Погребальных жетонов в Мертвом лесу меньше, чем вас. Хватит не всем.)

Костя открыл глаза.

Приехали, подумал он. Вот и весь фокус. Пять дней, лес, скелеты, а под конец главное. Жетонов меньше, чем людей. Значит, кто-то из тех, кто сейчас сидит тут, вдоль стен, живой и теплый, останется в этой земле навсегда. И все они это только что поняли. И теперь будут смотреть друг на друга не как на своих. А как на лишних.

Он оглядел часовню. Люди уже переглядывались. Уже считали друг друга. Лысый со своими сгрудились теснее и загудели о чем-то вполголоса. Курт в своем углу чуть заметно улыбнулся, будто услышал ровно то, что ждал.

— Началось, — сказал Костя тихо, сам себе.

Худшее в Башне были не твари. Твари хоть жрали честно. Худшее начиналось сейчас, когда живые поняли, что их слишком много.

Глава четвертая. Третий день

Два дня они искали и не нашли ничего.

Костя научился считать время по тому, как густел туман. Утром он лежал низко, по колено, и в нем можно было идти. К вечеру поднимался до груди, и тогда шли вслепую, держа друг за друга, и всякий раз кто-нибудь пропадал. Не с криком. Просто был человек, а потом туман качнулся, и человека нет.

За два дня их стало меньше на девять.

Жетонов не нашли. Разрыли два кургана, вскрыли склеп у оврага, вычистили пещеру под корнями старого дуба и вынесли оттуда четырнадцать искр, ржавый шлем и полудохлого мужика, которого сожрали на обратном пути. Жетона не было нигде. Костя начал подозревать, что их прячут не там, где просто.

На третье утро он подошел к здоровяку.

Тот сидел у стены часовни, снаружи, и точил о камень широкий тесак. Не спеша, ровно, будто у него в запасе была вечность. Вблизи он был еще больше, чем казался. Плечи как дверной проем, ладони такие, что рукоять тесака в них терялась.

— Костя, — сказал Костя.

— Бьорн. — Здоровяк не поднял головы. Голос у него был низкий, спокойный, чуть с хрипотцой. — Знаю, кто ты. Ты тот, кто орет на людей, чтоб они не бежали.

— Помогает иногда.

— Иногда. — Бьорн провел камнем по лезвию. Вжик. — Тем, кто слушает.

Костя сел рядом на корточки. Помолчал. С такими людьми не надо было спешить.

— Я иду в старое кладбище за оврагом, — сказал он наконец. — Там склепы каменные, глубокие. Если жетоны где и лежат, то в таких местах. Один не пойду, там мясорубка будет. Пойдешь?

Бьорн поднял голову. Глаза у него были светлые, спокойные, и что-то в них было такое, отчего Костя вдруг подумал: а мужик ли это вообще.

— Зачем тебе я?

— Затем, что ты здоровый и живой, — честно сказал Костя. — А тут это редкое сочетание. И затем, что ты один сидишь. Один тут долго не сидят.

Бьорн усмехнулся в бороду. Встал. Он вставал долго, как встает то, что весит много.

— Пошли, — сказал он. — Только уговор. Своих не бросаю. И ты не бросай.

— По рукам.

Ладонь у него была как лопата.

С ними пошел Дэн, куда без него. И увязался Курт, сам, без приглашения, что Косте не понравилось. Курт шел позади, налегке, и всю дорогу молчал, только глазами водил.

Кладбище за оврагом было большое. Старые камни торчали из земли вкривь и вкось, черные, поросшие серым лишайником. Между ними стояли склепы, приземистые, каменные, с провалившимися дверями. Туман тут стелился густо и почему-то тек не вниз, а вверх, тонкими нитями, будто из земли шел пар.

Костя остановился на краю и постоял. Внутри тянуло знакомым холодком.

— Тут плохо, — сказал он.

— Тут везде плохо, — заметил Курт.

— Тут плохо по-особому.

Он не мог объяснить, откуда знает. Чутье говорило, а он привык слушать. Оно говорило: пойдешь, потеряешь кого-то.

И тут они услышали ребенка.

Плач шел из склепа слева. Тонкий, захлебывающийся, тот самый, детский, который ни с чем не спутаешь. Так плачут, когда напуганы до икоты и уже давно.

Костя пошел раньше, чем подумал. Он всегда шел раньше, чем думал, на этот звук. Двадцать лет так.

— Стой, — сказал Бьорн.

— Там ребенок.

— Там нет ребенка. — Бьорн поймал его за плечо, и рука была как якорь, Костя даже не дернулся, куда там. — Слушай ушами, а не пузом. Он не дышит.

Костя замер. Прислушался.

Плач шел ровно. Совершенно ровно. Без вдохов, без пауз, чтобы набрать воздуха. Ребенок не может плакать без вдоха. Ни один живой не может.

Из провала склепа выползло то, что плакало.

Оно было размером с корову и на корову походило только весом. Голое, серо-розовое, безглазое, с длинными суставчатыми конечностями, вывернутыми назад, как у паука. Кожа висела складками. А спереди, на том месте, где полагалось быть морде, у него был раструб. Мясистая воронка, влажная, розовая изнутри, и оттуда шел детский плач. Ровный. Без вдоха.

(Плакальщица. Уровень 6.)

— Твою мать, — тихо сказал Дэн.

— Назад, пацан, — сказал Костя. — За камень. Быстро.

Плакальщица дернулась и пошла на них боком, перебирая суставчатыми ногами, неожиданно шустро для такой туши. Плач не прекращался. Он лез в уши, в голову, и Костя ловил себя на том, что ноги сами хотят идти на звук, и приходилось держать себя за шиворот.

Она достала Курта первой. Тот стоял слишком открыто, считая что-то в своем уме, и одна из ног взлетела и ударила его вбок, как хлыстом. Курт улетел на три метра, врезался в надгробие, захрипел.

Костя рванул наперерез, принял вторую ногу на подставленный тесак. Удар прошил руку до плеча, тесак скользнул, лезвие увязло в серой шкуре, и Костя увидел, как из пореза вместо крови течет что-то белое, густое, похожее на прокисшее молоко.

— Бьорн! — заорал он. — Слева, слева заходи!

И тут Бьорн перестал быть человеком.

Костя увидел это краем глаза, и потом еще долго не мог уложить в голове, как оно случилось. Здоровяк на бегу качнулся вперед, упал на четвереньки, и в этом падении его разорвало и собрало заново. Спина вспухла буграми, лопнула рубаша, по коже хлынула бурая шерсть. Кости захрустели, вытягиваясь и утолщаясь, лицо поехало вперед, вытянулось в морду, челюсть выломилась, и в ней встали зубы в палец длиной. За полтора шага человек по имени Бьорн стал медведем. Огромным, бурым, тяжелым, как грузовик.

Медведь врезался в Плакальщицу с разбегу.

Их снесло вместе, покатило по могилам, ломая камни. Медведь рвал ее когтями, сдирал складчатую кожу пластами, и белое молоко хлестало во все стороны. Плакальщица визжала. Плач сменился визгом, и это было хуже плача, потому что визжала она все тем же детским горлом.

Она достала медведя суставчатой ногой, распорола бок, и по бурой шерсти пошла настоящая красная кровь. Медведь ревел. Он подмыв тварь под себя всей тушей, вцепился зубами в раструб, в эту розовую воронку, и рванул.

Хруст. Влажный, длинный треск рвущегося мяса.

Медведь выдрал раструб с корнем, вместе с куском передней части. Визг оборвался на середине. Плакальщица засучила ногами, выгнулась, из дыры на месте морды толчками полезло белое пополам с красным, и тварь обмякла.

(Убита: Плакальщица, ур. 6. Добывающий удар: Бьорн.) (Бьорн: опыт +50% к уровню.) (Получено: 12 искр.)

Медведь постоял над ней, тяжело дыша, роняя с морды белое. Потом качнулся, осел, и все пошло назад. Шерсть втянулась, кости хрустнули, морда собралась в лицо. Через несколько ударов сердца на земле сидел голый по пояс Бьорн, весь в чужой белой дряни, и держался за разодранный бок.

Дэн вылез из-за камня. Он забыл закрыть рот.

— Ты... — сказал он. — Ты медведь.

— Иногда, — сказал Бьорн и сплюнул.

— Друид, — подал голос Курт. Он уже поднялся, держась за ребра, бледный, но живой. Даже сейчас он говорил так, будто читал справку. — Класс редкий. Оборот в зверя, призыв зверя. Уровень шесть. Больше всех тут, кстати.

Дэн посмотрел на свою строку, потом на Костю.

— А мне чего не капнуло? Мы тоже дрались.

— Добил он, — сказал Костя. — Значит, ему и опыт. Так тут, похоже, устроено.

— Нечестно.

— Я тоже дрался, и мне не капнуло, — заметил Костя. — Значит, не нечестно, а просто так работает. Кто добил, тот и апнулся.

Курт покачал головой, поморщился от боли в ребрах.

— Могло быть хуже, — сказал он. — Могли делать так, что вообще никому, кроме класса-заклинателя. А тут хоть какая-то логика.

Костя хотел спросить, откуда Курт знает про такие тонкости, но тут перед лицом развернулась строка. Новая, какой раньше не было. Судя по тишине рядом, ее видели все.

(Вы четверо продержались рядом друг с другом дольше часа. Системе позволено предложить: создать Отряд?)

(Отряд: общий обзор статов друг друга. Часть искр с общих боев делится между участниками поровну. Опыт за килл только добывающему.)

Дэн тут же завопил, забыв про боль в горле.

— Отряд! У нас будет отряд!

— Тише ты, — сказал Костя, но и сам почувствовал что-то похожее на облегчение. Одно дело идти четверым, каждый сам по себе, глядя, кто первый сорвется. Другое — когда это хоть немного закреплено, хоть немного по правилам.

Он глянул на Бьорна. Бьорн пожал плечами, что при его туше выглядело как маленькое землетрясение.

— Мне все равно, — сказал он. — Я и так делюсь. Просто буду делать это официально.

Курт задержался с ответом дольше всех. Он смотрел на строку, и Костя мог поклясться, что видел, как за этой паузой Курт что-то взвешивает, прикидывает, сколько ему будет стоить эта привязка и сколько принесет.

— Ладно, — сказал он наконец. — Пока выгодно.

— Пока, — согласился Костя. — Дальше посмотрим.

(Отряд создан. Участники: Костя, Дэн, Бьорн, Курт.)

Костя подошел к Бьорну, присел, глянул на бок. Рана была длинная, глубокая, мясо расходилось.

— Дай посмотрю. Держись.

Он положил руку на разодранный бок и потянул из себя то самое, теплое.

(«Второе дыхание». Отдать часть жизненной силы, чтобы залечить чужую рану. Активировать?)

Да.

Из груди потекло, ушло в ладонь, в чужое мясо. У Кости потемнело в глазах, зал качнулся, будто он сутки не ел. А под рукой края раны поползли навстречу друг другу, стянулись, засохли бурой коркой.

(Расход жизненной силы: значительный. Внимание: при низком Интеллекте способность быстро исчерпывает носителя.)

Костя сел на землю. Его мутило.

Бьорн потрогал бок. Посмотрел на Костю. Долго.

— Ты лекарь, — сказал он.

— Я рыцарь-спаситель, — сказал Костя. — Черт его знает, что это значит.

— Значит, ты чинишь других и гроишь себя. — Бьорн встал, подал ему лапищу. — Знавал таких. Все померли.

— Обнадежил.

— Не за что.

В склепе, из которого выползла Плакальщица, они нашли первое настоящее.

Внутри было темно, воняло старым мясом, и по стенам висели коконы. Костя не сразу понял, что это. Серые, влажные, размером с человека, прилепленные к камню. Внутри что-то шевелилось. Он подошел, поддел тесаком, вспорол.

Из кокона вывалилось тело. Мужчина, полупереваренный, кожа сошла, мясо ослизло, но лицо еще держалось, и на лице было выражение. Он умер не сразу. Он висел тут и умирал долго.

Дэна вырвало.

Костя пошарил в остатках одежды. Пальцы наткнулись на твердое.

Кружок металла размером с монету, тяжелый и серый. По краю шли зазубрины, а в середине была вдавлена ладонь с растопыренными пальцами.

(Погребальный жетон. Ключ. Открывает врата Мертвого леса для одного Вошедшего. Не может быть уничтожен. Может быть отобран.)

Костя перечитал последнюю строчку дважды.

Может быть отобран.

Спасибо, что предупредили.

— Есть, — сказал он вслух. — Есть один.

Дэн подскочил, вытирая рот.

— Один? А нас четверо.

— Значит, ищем дальше, — сказал Костя и убрал жетон во внутренний карман, поглубже. — Тут коконов еще семь.

Они вскрыли все семь. В трех были тела без ничего. В одном лежала женщина, еще живая, что-то мычащая, и Костя не смог ее вытащить, потому что тела под коконом уже не было, только голова и грудь, а остальное превратилось в кисель. Он сделал единственное, что мог. Быстро и сзади, чтоб она не видела.

Жетонов больше не было.

А на выходе их ждали.

Костя услышал первым. Не шаги, а скрежет. Будто кто-то тащил по камню железо, медленно, с ленцой. Он поднял руку, и все встали.

Из-за склепов вышли трое.

Скелеты, но не те, что лезли из земли в первый день. Эти были собраны неправильно. Каждый собран из нескольких. Из одного торчали четыре руки, две свои и две чужие, приваренные к ребрам криво, наспех. У другого на шее сидели две головы, одна нормально, вторая боком, вросшая в ключицу, и обе клацали челюстями вразнобой. Третий был просто длинный. В нем было позвонков вдвое больше, чем надо, и он качался на этой длинной шее, как кобра.

Кости у всех троих были не сухие, а мокрые. С них капало.

(Сиитый. Уровень 4.) (Сиитый. Уровень 4.) (Сиитый. Уровень 5.)

— Это кто их так, — тихо сказал Дэн.

— Башня, — сказал Курт. И, помолчав: — Она их из кусков собирает. Из тех, кого не хватило на целого.

Четверорукий пошел первым.

Он был быстрее прежних скелетов раза в три. Костя едва успел поднять тесак, и первые две руки он принял на лезвие, а вторые две прошли и вцепились ему в плечи. Когти вошли в мясо, Костю рвануло вперед, к клацающей челюсти. Он успел подставить предплечье. Зубы схлопнулись на наруче, кожа лопнула, и Костя почувствовал, как кость под кожей затрещала.

— Хер тебе! — рявкнул он и всадил тесак снизу, в грудную клетку, между ребер.

Лезвие вошло и застряло. Скелет не остановился. У него не было ничего, что можно проткнуть.

Костя бросил тесак, обеими руками схватил череп и рванул вбок, всем весом, всей спиной. Позвонки хрустнули. Голова оторвалась с мокрым чавканьем, вместе с куском позвоночника, и в лицо Косте плеснуло тем черным, что текло у них вместо крови. Оно было теплое. Оно было, черт возьми, теплое.

(Убит: Сиитый, ур. 4. Добивающий удар: Костя.) (Костя: опыт +35% к уровню.)

Двухголовый достал Бьорна. Здоровяк не успел обернуться, принял на тесак, но вторая голова, та, что боком, вывернулась под немыслимым углом и вцепилась ему в бедро. Бьорн заревел, схватил вторую голову руками и стал давить. Череп трещал, но не поддавался.

Дэн зашел сзади. Никто ему не говорил. Он сам.

Пацан скользнул за спину двухголовому, тихо, и на этот раз получилось. Он не тыкал. Он ударил один раз, снизу вверх, точно между позвонков, как учили, и провернул. Хребет разошелся. Верхняя половина скелета осела набок, обе головы разом клацнули впустую, и все рассыпалось.

(Убит: Сиитый, ур. 4. Добивающий удар: Дэн.) (Дэн: опыт +100% к уровню. Уровень повышен: 2 → 3.)

— Чисто! — заорал Дэн, и в голосе у него был не страх. Восторг. — Костя, я его чисто!

— Молодец, потом! — крикнул Костя. — Длинный!

Длинный уже шел на пацана.

Он двигался иначе, качался на этой своей змеиной шее, и Дэн не успевал за ним глазами. Костя рванул и не успевал тоже, между ними было восемь шагов.

Курт успел.

Что он сделал, Косте было непонятно. Тот просто поднял руку, и на долю секунды, прямо в тумане перед длинным скелетом, проступил огонь, он впились ему в череп. И хотя тот на кратчайший миг пошатнулся, будто споткнувшись о собственную ногу, этого хватило Косте, чтобы разрубить тварь пополам и, пнув отрубленный череп сапогом об пол, с такой яростью растоптать мозги, что от них не осталось ничего, кроме кашицы.

(Убит: Сиитый, ур. 5. Добивающий удар: Костя.) (Костя: опыт +40% к уровню.) (Получено: 9 искр.)

Наступила тишина. Костя стоял, тяжело дыша, весь в черном и еще теплом, и уставился на Курта.

— Это что было?

Курт опустил руку. Лицо у него было серое.

— Я видел что-то с цифрами, — сказал он. — Иногда я могу их немного изменить. Совсем чуть-чуть и ненадолго. Это дорого, так что не привыкай.

— Ты маг?

— Да, и стану топовым магом.

— Было бы неплохо.

— Вот вот, — согласился Курт.

Он отвернулся и пошел к выходу, и было видно, что его пошатывает.

Костя вытер лицо рукавом. Черное не оттиралось, размазывалось.

Он подумал, что Курт мерзкий, расчетливый и, скорее всего, продаст их при первом удобном случае. И что без него пацан бы сейчас лежал тут с оторванной башкой.

Обе мысли были верные. Обе неудобные.

Когда вышли с кладбища, Курт стоял у края и смотрел через поле на дальний край. Лицо у него было такое, что Костя подобрался.

— Что.

— Гости, — сказал Курт.

Они вышли из тумана с той стороны кладбища. Четверо. Шли не спеша, клином, и в том, как они шли, чувствовалась привычка. Эти уже ходили вместе. Эти уже убивали вместе.

Впереди шел лысый. Здоровый, бритый, шея шире головы, в руках здоровенная алебарда на длинной рукояти. За ним справа шел мужик в собранной броне, с ростовым щитом, снятым, судя по виду, с кого-то мертвого. Слева, чуть отстав, скользил тощий парень в темном, руки пустые, но пустые как-то нехорошо. А позади всех, не торопясь, шла женщина. Молодая, в сером, с длинными темными волосами, и вокруг ее ладоней воздух дрожал, как над костром.

Курт заговорил быстро, не поворачивая головы. Голос у него стал деловой, без всякой обычной ухмылки.

— Слушайте меня внимательно и не перебивайте. Лысый — Берсерк, уровень семь. У него растет урон, когда он теряет здоровье. Чем сильнее его бьешь, тем сильнее бьет он. С ним нельзя в размен, он выиграет.

— Второй, со щитом — Воин, уровень шесть. Держит удар, стягивает на себя. Пока он стоит, до остальных ты не доберешься.

— Тощий — Ассасин, уровень пять. — Курт впервые покосился на Дэна. — Как твой. Только твой убил одного скелета, а этот людей. Он уже сейчас в тени, вы его видите потому, что он позволяет.

— И баба. — Курт помолчал. — Чернокнижница, уровень шесть. Вот она самая опасная. Она не бьет, она отнимает. Тянет из вас силу и льет в них. Пока она жива, они не устают.

Костя слушал и думал. Получалось плохо, но кое-что понимал.

Семь, шесть, пять, шесть. У него самого пять. У Бьорна шесть. У Курта, судя по всему, немного. У Дэна два.

Четверо слаженных против четверых, из которых один пацан и один маг, к которому пока не доверия.

— Плохо, — сказал он.

— Очень плохо, — согласился Курт.

Лысый остановился в десяти шагах и взглянул на них так, что стало ясно: они вторглись на его территорию.

— Здоровый, — он смерил взглядом Бьорна. — Неплохо. — Потом перевел взгляд на Костю, кривя губы в усмешке. — А ты, значит, Спаситель.

— Что-то вроде того.

— Прекрасно. — Лысый переложил алебарду с плеча на плечо. — Ты нашел, я забрал. По справедливости, разве нет?

— Понятия не имею, о чем ты.

— Прекрасно знаешь, о чем я. — Улыбка не исчезала. — Жетон давай.

Туман, казалось, замер во внезапной тишине.

— Нет его у меня, — сказал Костя.

Женщина позади него щелкнула пальцами. Воздух дрогнул, и что-то холодное вжалось Косте в карман, туда, где лежал металлический кружок. Кожа под рубашкой похолодела, будто к ней приложили лед.

— Во внутреннем, — раздался голос женщины. Мягкий, нежный. — В левом.

— Прекрасно, — лысый кивнул. — Не люблю ложь. Отдавай, Спаситель, и разойдемся.

Костя думал быстро, как привык. Бьорн ранен, силы у него на исходе, а против него Воин со щитом и Берсерк, которого каждая рана делает только сильнее. Дэн мясо, его срежет их ассасин за две секунды. Курт при первой крови сбежит. А женщина будет качать в них силу, пока эти четверо не устанут никогда.

Считать было нечего.

— Мертвые не ищут дальше, Дэн, — сказал Костя. — Живые ищут.

Парень отвернулся и сплюнул. Ему было шестнадцать, и он еще не научился сдерживаться.

— Правильно сделал, — тихо сказал Бьорн. Подошел, встал рядом, глядя, как четверо исчезают в тумане.

— Я бы одного взял. Может, двоих. Потом лег бы. И ты лег бы рядом со мной, — сказал Бьорн.

— Знаю, — сказал Костя.

— Но я тебе вот что скажу.

Бьорн повернул голову.

— В следующий раз, когда он придет, это будет не за жетоном. Такие, если взяли раз и им отдали, приходят снова. И берут больше.

Костя молчал. Он это знал и без Бьорна.

Хуже было другое. Курт стоял в стороне и смотрел на все это с очень внимательным лицом. Не испуганным. Оценивающим. Будто прикидывал, к кому лучше прибиться, когда все окончательно поплывет.

Когда вечером они вернулись в часовню ни с чем, она гудела. Люди стояли кучками, кричали, спорили, кто-то плакал. Костя минуту не мог понять, что происходит, а потом перед ним развернулась строка. Она развернулась у всех сразу. Опять общая.

(Внимание, Вошедшие. По вашей просьбе Система уточняет.)

(Живых в Мертвом лесу: 27.)

(Погребальных жетонов в Мертвом лесу: 20.)

(До закрытия врат: два дня.)

Костя стоял, глядя на эти цифры, пока голова не зазвенела и не опустела. Двадцать семь живых, двадцать жетонов. Семеро из тех, кто дышал в этой часовне прямо сейчас, были обречены никогда ее не покинуть. Не «может быть». Не «если не повезет». Семь. Система уже подсчитала это за них и объявила небрежно, будто это был отчет о погоде.

В часовне воцарилась мертвая тишина.

— Значит, у нас на семь человек больше, чем нужно, — сказал кто-то громко, вслух озвучив то, что подумали все.

Костя обвел взглядом часовню и увидел, как это происходит. Люди начали отделяться друг от друга. Медленно, незаметно. Те, кто час назад делил одну воду, теперь смотрели на соседа и считали, кто из них лишний. Мужчина, которого Костя вытащил из-под скелета в первый день, поднялся и подошел к той стене, где стояли сильные. Женщина, которая все это время держалась рядом с Дэном, молча собрала свой узелок и отошла в дальний угол.

Никто ни на кого не кричал. Это было хуже крика.

К полуночи часовня разбилась на кучки. Пять или шесть, каждая жалась к своей стене, каждая косилась на остальных. Лысый со своими занял лучший угол, у входа, и никто не спорил. Кто-то уже спал вполглаза, положив руку на камень поудобнее.

Костя сидел у стены со своими. Их было четверо. Бьорн, Дэн, он сам и Курт, который сел с ними, хотя его никто не звал, и Костя не стал гнать.

— Завтра? — спросил Бьорн.

— Завтра, — сказал Костя. — Пещеры на севере. Не были там.

— Там глубоко.

— Значит, там и лежит.

Он посмотрел на своих. Пацан спал, привалившись к его плечу, и во сне подергивался. Здоровяк точил тесак. Курт лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок.

Четверо. Один жетон нужен каждому.

Костя закрыл глаза и увидел серую цифру на самом краю зрения, ту, которую видел только он. Она не двигалась весь день. Ни когда он нашел жетон, ни когда его отобрали.

А сейчас, когда он сидел в темноте и думал не про себя, а про этих троих, и решал, что вытащит всех, всех до одного, хоть тресни, цифра дрогнула.

(Готовность: 19%)

Костя открыл глаза и посмотрел на нее долго.

Он не понимал, что это. Но кое-что уже начинал замечать. Эта дрянь в углу росла не тогда, когда он убивал. Не тогда, когда находил. Она росла тогда, когда он верил, что справится.

И ему очень не нравилось, что кто-то это считает.

Глава пятая. Четвертый день

Утром Костя проснулся от тишины.

Ночью часовня шумела по-своему: кто-то храпел, кто-то ворочался, Бьорн у стены сопел, как кузнечный мех. Сейчас было пусто. Костя открыл глаза и понял, что народу вокруг стало вдвое меньше. Пока спали, три или четыре кучки собрались и ушли в туман, каждая своей дорогой. Остались одиночки да те, кому спешить было уже некуда.

Дэн спал у него под боком, свернувшись в клубок. Бьорн сидел у входа и смотрел в серое утро. Курт лежал с открытыми глазами.

Костя сел, потер лицо. Рука под наручем ныла, но кровь не шла. Он вызвал строку отряда, ту, что открылась вчера.

(Отряд. Общий запас искр: 26.)

Двадцать шесть на четверых. Вчерашняя добыча разошлась поровну, к ней добавилось то, что было у Бьорна, вот и вся казна. Небогато. Зато общая.

— Не спишь, — сказал Костя Курту.

— Думаю, — отозвался тот. — Кто-то должен.

— И что надумал?

— Что нам конец, если будем искать как вчера. — Курт сел, обхватил колени. — Два дня осталось. Ползаем по склепам наугад, один жетон на восемь трупов. Нас четверо. Если сильно повезет, вытащим двоих.

— Значит, надо не как вчера.

— Гениально. — Курт скривился. — А как?

Костя не ответил, потому что сам не знал. Знал другое: сдаваться рано. И еще знал, что сдаваться первым ему нельзя, потому что на него смотрят.

Он растолкал Дэна. Пацан подскочил, схватился за нож, спросонок не понял, где он.

— Тихо, свои, — сказал Костя. — Вставай. Дело есть.

— Какое?

— Ты вчера уровень поднял. Очко получил. — Костя кивнул на воздух перед пацаном. — Открой свое. Разберемся, куда его девать.

Дэн поморгал, сообразил, ткнул пальцем. По лицу было видно, что панель открылась. Костя своей не видел, у каждого она была своя, но теперь, в отряде, можно было заглянуть в чужую, если постараться. Он заглянул.

(Дэн. Ассасин. Уровень 3.) (Сила: 2. Ловкость: 3. Выносливость: 2. Интеллект: 2. Воля: 3.) (Свободных очков: 1.)

— Куда кидать? — спросил Дэн. — В силу, да? Чтоб бить сильнее?

— В силу тебе без толку. Ты не мясник. Ты нож. Нож не рубит плеча, он режет, где тонко. — Костя поглядел на пацана. — Тебе что нужнее всего?

Дэн подумал.

— Подобраться, — сказал он медленно. — Незаметно. И быстро, чтоб один раз ударить, и все.

— Вот и ответ. Ловкость. Скорость, руки, чтоб успеть раньше, чем тебя заметят. Сила даст удар побольнее. Ловкость даст этот удар вообще сделать. Тебе что важнее?

— Второе, — сказал Дэн и вложил очко.

(Дэн: Ловкость 3 → 4.)

Пацан прислушался к себе. Помотал кистью, размял.

— Легче, — удивился он. — Рука легче стала.

— Значит, работает. Теперь не тычь наугад.

Костя глянул на свою панель. Одно очко у него так и висело нетронутым с прошлого раза. Он его держал. Не мог решить, чего ему больше не хватает: силы, чтоб таскать и валить, или выносливости, чтоб не падать, когда лечишь других и сам пустеешь. Оставил висеть. Решит, когда прижмет.

Бьорн от входа сказал, не оборачиваясь:

— Гостя к нам.

Костя поднял голову.

Через часовню, между спящими, к ним шла женщина. Лет тридцати, худая, жесткая, как ремень. Темные волосы стянуты в узел. За спиной лук, хороший, гнутый, и колчан, в котором Костя на глаз насчитал стрел десять. Шла она легко, ставила ногу мягко. По одному этому было видно, что она тут давно и до сих пор жива.

Она остановилась в трех шагах. Оглядела их всех, как барышник глядит лошадь: этого в зубы, этому по ногам.

— Вы отряд, — сказала она. Не спросила. — Вчера сбились. Я видела.

— Допустим, — сказал Костя.

— Вас четверо. Здоровяк-оборотень, лекарь, маг и пацан с ножиком. — Она перечислила без запинки. — Танк, лекарь, урон и разведка. Одного не хватает.

— Кого же.

— Дальнего боя. — Она качнула плечом, и лук качнулся вместе с ней. — Вы все в ближней свалке. Пока вы сходитесь грудь в грудь, вас можно перестрелять с двадцати шагов. Я стреляю с двадцати шагов.

Костя слушал и понимал, что она права. Он это вчера на своей шкуре почувствовал, когда баба лысого стояла позади всех и работала, не подходя. Стрелок им был нужен как воздух.

— Что просишь? — спросил он.

Она усмехнулась, оценив, что он не стал разводить турусы.

— Долю искр. Долю добычи. И чтоб прикрывали, пока я стреляю. Вблизи я слабее любого из вас, мы оба это знаем. — Она помолчала. — Взамен снимаю то, до чего вы не дотянетесь. И я тут не первый день, знаю, где что лежит.

— Почему не одна? — Курт подал голос из-за спины Кости. — Раз такая ловкая, чего к нам?

Женщина повернулась к нему. Не дрогнула.

— Потому что одна я до пятого дня не доживу. И вы поодиночке не доживете. Тут выживают кучей. Я это поняла на третьем этаже. Вы, похоже, только начинаете.

Помолчали. Костя оглядел своих. Бьорн пожал плечами, мол, решай сам. У Дэна на лице было написано восхищение. Курт кривился и молчал.

— Как звать? — спросил Костя.

— Нора.

— Костя. Это Бьорн, Дэн, Курт. — Он кивнул на каждого. — Доля общая, как у всех. Прикроем. Только уговор, Нора. У нас правило. Своих не бросаем.

Что-то мелькнуло у нее в лице. Не насмешка. Больше похоже на усталость.

— Красивое правило, — сказала она. — Поглядим, надолго ли вас хватит.

Но осталась.

(Нора присоединилась к Отряду. Класс: Охотник. Уровень 6.)

Костя заглянул в ее панель, раз уж теперь можно было. Ловкость шесть, больше, чем у любого из них. Зрение, руки, скорость. Вблизи жидковата, зато на расстоянии ей цены нет. И десять стрел. Всего десять. Костя это запомнил. Стрелы кончатся, и тогда прикрывать ее придется всерьез.

Пока собирались, он решил потратиться. Идти в пещеры с голым задом, как вчера, ему не хотелось.

Он открыл лавку.

Среди привычного, среди зелий и брони, висело кое-что новое. Видно, лавка подстраивалась под то, куда они шли.

(Компас без стрелки. Очень редкий. Треснувший медный корпус. Стрелка не показывает север, она тянется туда, где спрятан ближайший Погребальный жетон. Требуется уровень: 3. Цена: 60 искр.)

Костя прочел дважды. Потом еще раз. Вот оно. Не ползать по склепам вслепую, а идти напрямик от жетона к жетону, пока не наберут на всех. Шестьдесят искр. У них двадцать шесть.

— Курт. Глянь. Компас.

Курт глянул, и лицо у него стало как у человека, который увидел деньги под небьющимся стеклом.

— Шестьдесят, — сказал он тихо. — За такое и сотни не жалко. С ним мы бы за день собрали на весь отряд. — Он поджал губы. — А у нас двадцать шесть.

— Значит, копим.

— Копим, — повторил Курт, и в голосе у него было что-то, чего Костя не разобрал.

Ниже висела вещь подешевле.

(Отрядный вымпел. Редкий. Полотнище на коротком древке, ткань не гниет и не рвется. Пока воткнут в землю рядом с отрядом: Воля всех в отряде +2, прочие характеристики +1. Внимание: вымпел раздражает нежить. Твари стремятся уничтожить его в первую очередь. Древко хрупкое, ломается легко. Требуется защита. Цена: 25 искр.)

Двадцать пять. Почти все, что было. Костя подумал. Штука хорошая, что говорить. Воля плюс два, остальное плюс один, и это каждому. В отряде из пятерых считай что лишний боец, только силу размазали на всех. А в пещерах, где темно и жутко, лишняя воля дороже железа. Люди в тесноте гибнут от паники чаще, чем от зубов, Костя это видел.

Он дочитал карточку до конца и нахмурился.

— Курт. Глянь на вымпел. Там внизу приписка.

Курт глянул. Хмыкнул.

— Раздражает нежить, — прочел он. — Твари прут на него первым делом. Древко ломается легко. — Он поднял бровь. — То есть вещь дает силу и сама же орет на весь этаж: идите сюда, ломайте меня. А сломают, и вся прибавка коту под хвост.

— Значит, будем держать, — сказал Костя. — Воткнул и охраняй, как знамя.

— Как знамя, — повторил Бьорн от входа. Ему это понравилось. — Знамя не бросают. За знамя стоят.

Костя взвесил еще раз. Вещь давала много и привязывала к точке, которую нельзя терять. В чистом поле это удавка: воткнешь, и вся нежить биома соберется рубить твою палку, пока ты вокруг пляшешь. А в узком месте, где к вымпелу подобраться можно только в лоб, та же удавка становится приманкой. Хотите ломать мою палку? Идите сюда, в коридор, по одному.

— Берем, — сказал он. — Но втыкать будем с головой. Не в поле, а где спину о камень прикроем.

— Это все наши деньги, — заметил Курт.

— В пещерах деньги не потратишь. А сдохнуть от страха можно. — Костя купил вымпел. — Да и с тварей теперь падает добыча. Наберем.

Он сказал это и осекся, потому что сам не знал, падает ли. Нора услышала и кивнула.

(Приобретено: Отрядный вымпел. Остаток искр Отряда: 1.)

— Падает, — сказала она. — С мелких скелетов ничего, они пустые. А кто посильнее, с тех капает. Кость, зуб, железо, всякое. Это трофеи, лавка их берет обратно за искры. — Она кивнула на воздух, где висел прилавок. — Вчера ваша Плакальщица что-нибудь оставила?

Костя вспомнил. Искры упали, двенадцать штук, а еще что-то было, он в горячке не разглядел. Бьорн, кажется, подобрал с земли и сунул за пояс.

— Бьорн. Ты что-то брал с той твари.

Бьорн порывлся за поясом и достал. На ладони лежал изогнутый костяной шип длиной в палец, влажный, с зазубринами. Он сунул его туда машинально, как в бою берут все блестящее.

(Игла Плакальщицы. Трофей. Материал. Цена продажи: 4 искры.)

— Четыре искры, — сказал Курт и оживился. — За одну костяшку. — Он поглядел на Бьорна с новым интересом. — Так. С этой минуты подбираем все. Все, что падает. Слышите? Каждую кость, каждый зуб. Это деньги. Это компас.

Костя хмыкнул. Дай Курту цель, которую можно сложить в столбик, и он оживает.

Иглу продавать не стали, решили копить и сдать разом. Вымпел Костя разворачивать не стал, свернул древко и отдал Бьорну нести. В часовне нежить не ходила, приманивать было некого, толку ноль, а риск на будущее. Развернут там, где припрет.

Собрались и пошли на север.

Пещеры начинались там, где мертвый лес кончался у каменной гряды. Черные деревья редели, земля шла вверх, и в склоне зияли дыры, старые, обкатанные, уходящие в темноту. Туман сюда не доставал. Тут был просто мрак, глухой и сухой, и тянуло из него холодом и чем-то кислым.

— Там кто-то есть, — сказала Нора, поведя носом. — Много кого.

— Дэн, — сказал Костя. — Твой выход. Внутрь не лезь, просто глянь. Тихо, как умеешь. Заметишь что, сразу назад.

Дэн кивнул, и Костя увидел, как пацан изменился за эти дни. Раньше полез бы суется. Теперь присел, выдохнул и пошел ко входу мягко, с пятки на носок, сливаясь с камнем. Ловкость четыре. Уже видно.

Вернулся он через минуту, бледный.

— Их там как грязи, — прошептал он. — На потолке висят. Белые, слепые, голые, размером с крупного пса. Гроздьями свисают и не шевелятся. Спят вроде.

— На потолке, — повторил Костя. — Значит, сыпаться будут сверху. Нора, лук в пещере развернешь?

— Разверну, если потолок высокий. Если низкий, буду драться ножом, как все. — Она уже снимала лук со спины. — Плохо, что они сверху. Поверху бить неудобно.

Костя подумал. В лоб идти нельзя, обвалятся все разом. Надо выманить.

— Курт. Твоя игла шумит?

— Она светит, — сказал Курт. — В темноте вспыхивает, как факел на миг.

— Годится. Тогда так. Дэн, сидишь у выхода наготове. Нора у стены, где потолок повыше, держит лук. Бьорн со мной, идем внутрь и шумим, будим их. Они сыплются на нас. Нора бьет тех, кто на подлете. Мы с Бьорном держим тех, кто вблизи. Дэн приканчивает упавших, у него теперь рука быстрая. — Костя оглядел всех. — Главное, не кучей. Разошлись, чтоб они на нас все разом не свалились. Ясно?

Закивали. План был так себе, но хоть какой-то.

Вошли.

В пещере было именно как сказал Дэн. Высоко на потолке гроздьями свисали твари, белые, голые, безглазые, с длинными пальцами, которыми они держались за камень. Кожа полупрозрачная, под ней ходило темное. Не шевелились. А когда Бьорн гакнул в темноту во всю глотку, гроздья дрогнули.

(Слепыш. Уровень 4.) (Слепыш. Уровень 4.) (Слепыш, слепыш, слепыш...)

Строки вспыхнули по всему потолку, десятками. Костя не считал.

Посыпались.

Первый рухнул прямо на него, растопырив пальцы. Костя принял его на тесак снизу, распорол на лету от паха до горла. Тварь лопнула и облила его теплым, и он отшвырнул ее ногой. Второго встретил кулаком в наруче, вбил обратно, и тут же полоснул третьего, который тянулся Бьорну в спину.

Бьорн в зверя не оборачивался, места не было. Он бил тесаком и кулаками, и слепыши от его ударов лопались, как гнилые тыквы, брызгая белым и красным. Один вцепился ему в плечо, прокусил. Бьорн взревел, оторвал его вместе с куском своего мяса и швырнул о стену.

Нора работала от стены. Костя видел ее краем глаза и все равно успел удивиться, до чего скупко она двигалась. Ни суеты, ни одной лишней стрелы. Натянула, выждала долю секунды, пустила, и слепыш валился с потолка на полпути, с древком под челюстью, где кожа тоньше всего. Она метила всегда в одно место. Стрел было десять, и она об этом помнила каждую секунду, Костя видел, как она провожает взглядом каждую выпущенную, чтоб потом подобрать.

Дэн приканчивал упавших. На него Костя загляделся, хоть и не время было. Пацан больше не тыкал наугад. Он подскакивал к оглушенному падением слепышу сбоку, бил один раз в основание черепа и летел к следующему. Быстро. Ловкость четыре.

Дрались все пятеро. Костя вспарывал тех, что валились на него и Бьорна. Бьорн ломал их руками. Курт жег, коротко, экономя силы, поджигал тех, что висли на потолке и не спешили падать, и они срывались горящими комками. Нора снимала подлетающих. Дэн добивал упавших. Впервые они работали одним слаженным зверем, и Косте это нравилось.

Когда последний слепыш дернулся и затих, в пещере повисла тишина. Только капало с потолка и с них самих. Пол был устлан белыми тушами. Костя тяжело дышал, весь в теплой дряни, но целый. Бьорн зажимал прокушенное плечо. Нора ходила между трупами и выдергивала свои стрелы, по одной, осторожно, чтоб не сломать. Из десяти в колчане осталось шесть, четыре она собирала обратно.

И тут Система отсыпала каждому свое. Костя проглядел строки, свою и чужие.

(Слепыши уничтожены. Опыт распределен между участниками боя.) (Костя: опыт +30% к уровню. Уровень повышен: 4 → 5.) (Дэн: опыт +45% к уровню.) (Бьорн: опыт +8% к уровню.) (Нора: опыт +8% к уровню.) (Курт: опыт +8% к уровню.)

Костя перечитал и не сразу понял расклад. Больше всех досталось пацану. Потом сообщил. Слепыши были четвертого уровня. Дэн третьего, ниже их, вот ему и капало щедро за каждого. Костя вровень со слепышами, ему выходило средне, зато накопилось на целый уровень. А Бьорну с Норой, которые вымахали до шестого, те же слепыши сыпали крохами, будто они мелочь под ногами собирали.

— Так вот как оно, — сказал Костя вслух. — Кто дерется выше своей головы, тот и растет быстро. А кто мелюзгу давит, тому и награда мелкая.

— Логично, — согласился Курт. — Мне восемь процентов за то, что я тут спину рвал. Спасибо, Башня.

— Тебе восемь за то, что ты шестого уровня, — сказала Нора. — Мне столько же. Радуйся, что вообще дали.

Костя открыл панель. Два свободных очка теперь: старое, что он берег, и новое за уровень.

А потом он увидел лут.

С тварей падало. Не со всех, только с тех, что покрупнее. Когда туша оседала, из нее выкатывалось что-то и ложилось на камень, и над этим висела строка. Костя подошел к ближайшей, поднял.

Мутный белый шарик, твердый, с крупную виноградину. Похож на глаз, только глаз у слепыша не было.

(Бельмо слепыша. Трофей. Материал. Цена продажи: 3 искры.)

— Собираем, — сказал Костя. — Курт был прав. Все собираем.

И они пошли по пещере, обирая мертвых тварей, как крестьяне обирают поле после жатвы. С каждой третьей или четвертой падало бельмо. Дэн шнырял быстрее всех, набивал карманы, считал вслух и сбивался. Набралось десятка полтора. Полсотни искр, если продать. Почти половина компаса.

Костя разогнулся, вытер лоб. И, наклонившись за очередным бельмом, краем глаза поймал Курта.

Курт стоял в стороне, спиной, и что-то быстро делал руками. Костя не придал бы значения, мало ли. Но Дэн, оказавшийся рядом, замер, и Костя увидел, как пацан смотрит.

Курт держал что-то в ладони. Не бельмо. Бельмо белое, а это блеснуло серым, тускло, металлом. Плоское, круглое. По краю зазубрины.

Курт сунул это во внутренний карман, поглубже, тем самым движением, каким Костя вчера прятал жетон. И оглянулся, проверяя, не видел ли кто.

Дэн успел отвести глаза, сделал вид, что тянется за бельмом. Но Костя видел, что пацан видел. И пацан видел, что Костя видел.

Оба промолчали.

Костя медленно выпрямился. Внутри стало тяжело. Уверенности не было. Может, показалось. Может, Курт нашел свою железку, монету, значок, мало ли что блестит серым. А может, только что поднял с мертвой твари жетон и спрятал от отряда. От того самого отряда, в который вчера вступил, взвесив выгоду.

Костя решил молчать. Обвинишь без доказательства, рассоришь всех перед тем, как драться придется вместе. А доказательства не было. Был серый блеск в чужой ладони и тяжесть под ложечкой.

Чувству своему Костя привык верить. Оно редко ошибалось.

— Уходим, — сказал он. — Собрали и хватит. Дальше там глубже, а глубже я сегодня не полезу. Люди вымотались.

Никто не спорил. Двинулись к выходу, обвешанные трофеями, все пятеро живые. По здешним меркам день вышел удачный.

Костя шел последним, приглядывал за спинами, как привык. Впереди Бьорн зажимал плечо. Дэн жался к Норе и что-то ей рассказывал, и Нора слушала, изредка бросая слово. Быстро пацан к ней прикипел. Курт шел один, в середине, и нес свою тайну во внутреннем кармане, и Костя смотрел ему в спину и думал.

Отряд у них вышел ладный. Танк, лекарь, стрелок, нож, маг. Впервые за все дни они дрались как одно целое. Костя это чувствовал, и ему было хорошо, и от этого хорошего становилось не по себе. По его опыту, когда все складывается, где-то рядом уже готовится трещина.

Он глянул в угол зрения, на серую цифру, которую видел только он. За весь бой она не шелохнулась. А сейчас, когда он подумал, что отряд у них крепкий и что он вытащит всех, даже Курта с его тайной, потому что иначе не умеет, цифра дрогнула вверх.

(Готовность: 24%)

Костя отвернулся. Он уже почти привык, что стоит поверить в хорошее, как эта дрянь наливается. Будто кто-то там наверху облизывается всякий раз, когда Костя решает не сдаваться.

У самого выхода Бьорн встал и поднял руку. Все замерли.

— Тихо, — сказал он низко. — Слушайте.

Костя прислушался. Сначала ничего. Потом из глубины пещеры, из той темноты, куда они не полезли, донеслось.

Голос.

Тихий, хриплый, тянущий слова, будто отвык говорить. Человеческий. Он шел снизу, из-под камня, и он звал.

— Э-э-эй, — сказал голос. — Живы-ы-е. Я слы-ы-шу. Не уходи-и-те. Я ра-а-асскажу вам, что наверху-у.

Все пятеро застыли.

— Там человек, — выдохнул Дэн. — Там внизу человек, ему помочь...

— Нет, — сказали Костя и Нора вместе.

Они переглянулись. У Норы в глазах был тот же холодок узнавания, что и у него.

— Люди так не говорят, — тихо сказала она. — Слишком ровно. Как та тварь с плачем. Помнишь? Слишком ровно.

Костя помнил. Плач без вдоха. И этот голос был без чего-то, без чего живой не говорит.

А голос снизу все тянул, ласково, терпеливо, зная, что его слушают:

— Я то-о-оже шел наве-е-ерх. Я ду-у-умал, там награ-а-ада. Спусти-и-итесь. Я расскажу-у, что там на самом де-е-еле. Вам понра-а-авится. Всем нра-а-авится, когда узнаю-у-ут.

Костя стоял, и по спине у него ползло холодом. Это была первая тварь, которая знала слова. Которая помнила, что шла наверх. Которая что-то знала про награду и предлагала рассказать.

Хуже всего было то, что Костя хотел спуститься. Не от морока, морок он и без вымпела держал, воля у него была своя. А потому что два дня подряд подозревал, что наверху их всех ждет обман, и вот впервые кто-то готов был сказать правду.

— Уходим, — сказал он хрипло. — Быстро.

— А если он правда знает? — Курт впервые заговорил без всякого расчета. В голосе была жадность другого рода, жажда узнать. — Костя. Если эта тварь знает, что наверху, я хочу услышать.

— Даром он не расскажет, — сказал Костя. — Такие даром не отдают. Расскажет ровно столько, чтоб мы спустились поближе. А там сожрет. Уходим.

Он развернул их и погнал к выходу, к серому свету, прочь от ласкового голоса из-под земли. Но пока шли, Костя знал, что вернется. Не сегодня. Но вернется.

Ему очень хотелось узнать, что наверху.

А голос все звал вслед, тише и тише, пока не растаял в камне:

— Приходи-и-и, спаси-и-итель. Я тебя запо-о-омнил. Ты вернешься. Вы все-е-егда возвраща-а-аетесь...

Глава шестая. Выводок

Утро четвертого дня они провели, считая чужие кости.

Сидели у стены часовни, разложив на тряпке добычу. Пятнадцать белым слепышей, мутных, как рыбий глаз. Игла Плакальщицы. Лавка брала бельмо по три искры, иглу за четыре. Сорок девять, если сдать подчистую, плюс одна в казне.

Пятьдесят. Компас стоил шестьдесят.

— Десяти не хватает, — сказал Курт. Он пересчитал уже трижды и все не мог поверить, что арифметика не поддается. — Десяти паршивых искр.

— Значит, идем добывать десять, — сказал Костя.

— Идем добывать, — согласился Бьорн.

Он сидел, привалившись к камню, и обкусывал заусенец. Плечо замотано в чистую тряпку, Костя вчера сменил. Затягивалось быстро, быстрее, чем у людей. Может, зверь в нем и лечил.

Дэн разглядывал свою панель, шевеля губами. Нора чинила стрелу, и стружка падала ей на колени.

Тихо было. И тепло. Костя поймал себя на том, что ему хорошо, и разрешил себе посидеть так пару минут.

— Слышь, Бьорн, — сказал Дэн. Он бросил панель и повернулся к здоровяку. — А ты кем был?

Бьорн поднял на него глаза.

— Когда?

— Ну, до. При жизни.

Бьорн подумал. Он всегда сначала думал, потом говорил.

— Рыбак, — сказал он. — Ходил на сейнере. Двадцать два года.

— И как там?

— Холодно. — Бьорн выплюнул заусенец. — Мокро. Вонько. Хорошо.

Дэн засмеялся. Смех у него был еще детский, и в мертвом лесу звучал странно.

— А умер как?

— Дэн, — сказал Костя.

— Да чего, я же просто...

— Нормальный вопрос, — сказал Бьорн. — Тут все мертвые, чего стесняться. Пошли на дно. В феврале. Кренануло, и все, за полторы минуты.

Он сказал это без выражения, как говорят про погоду.

— Нас было девять. Я вытащил трех, до люка дотянулся, выпихнул. За четвертым полез и не успел. Вода уже пошла, а он застрял по бедра, зажал его. — Бьорн помолчал. — Смотрел на меня и говорил: иди, Бьорн, иди. Я не пошел. Тянул. Так и остались вдвоем.

Никто ничего не сказал.

Костя смотрел на него и думал, что этот здоровенный молчаливый мужик, который в первый же день сказал «своих не бросаю», сказал это не для красоты. Он это оплатил.

— И как ты... — Дэн сглотнул. — Как ты с этим потом?

— Никак, — сказал Бьорн. — Я потом умер.

Он усмехнулся в бороду. Шутка была так себе, но Дэн ее принял и заулыбался.

— А ты, Нора?

Нора не подняла головы от стрелы.

— А что я.

— Ну кем была. Ты же стреляешь, как... ну ты видела вообще, как ты стреляешь?

Она провела ножом по древку. Стружка упала.

— Отец учил, — сказала она. — С восьми лет. У нас за домом было поле, и он повесил щит на сарай. Каждый день по сотне выстрелов, хоть дождь, хоть что.

— И потом?

— Потом я бросила. В семнадцать. Не брала в руки пятнадцать лет. — Она подняла лук, поглядела на него, будто впервые. — А тут взяла, и как будто вчера положила. Руки помнят. Мне это в первый день сильнее всего не понравилось.

— Почему?

— Потому что значит, кто-то знал, что мне дать, — сказала Нора. — Кому лук, кому нож. Не выбирают вслепую.

Костя это отметил. Она была права, и мысль была неприятная.

— А умерла как? — не унимался Дэн.

Нора наконец на него посмотрела. Взгляд у нее был такой, что пацан отодвинулся.

— Меня убили, — сказала она. — Все, вопросы кончились.

И вернулась к стреле.

Повисло молчание. Костя вдруг понял, что из них пятерых она одна не умерла от беды или от глупости. Ее убил человек. Кто-то живой, с руками, с лицом. И, судя по тому, как она замолчала, дело было не в грабителе в подворотне.

— Я в страховании работал, — сказал Курт в тишину.

Все обернулись. Он не ждал, пока спросят, и это было на него не похоже.

— Отдел оценки. — Он смотрел поверх их голов. — Знаете, чем я занимался? Считал, сколько стоит человек. Буквально. Приходит бумага: инвалидность, ожог, потеря кормильца. Я сажусь и вывожу цифру. Столько за руку. Столько за глаз. За ребенка меньше, чем за взрослого, потому что ребенок не приносил дохода.

— Это законно вообще? — спросил Дэн.

— Это работа. Кто-то должен. Я одиннадцать лет считал и был хорош. Меня повышали.

— А умер как? — спросил Дэн. Он уже не мог остановиться.

Курт хмыкнул. И вот тут в его усмешке было что-то живое, не обычная его кислота.

— По статистике, — сказал он. — Меня сбило машиной на переходе. У меня, между прочим, в отчетах эта вероятность проходила как пренебрежимо малая. Я сам ее считал. Ноль целых ноль сколько-то там процента. — Он развел руками. — Одиннадцать лет объяснял людям, что с ними этого не случится. Досчитался.

Он замолчал. Костя смотрел на него и впервые за все дни видел перед собой не мерзавца. Перед ним сидел человек, которого сломали задолго до Башни. Одиннадцать лет вычислять, сколько стоит чужой глаз. После такого поверить, что люди не цифры, довольно сложно.

Мысль была неудобная, потому что жалеть Курта Костя не собирался.

— Ладно, — сказал он и встал. — Посидели. Нора, ты вчера говорила, что знаешь, где что лежит. Нам нужно десять искр, а лучше пятьдесят. Где брать?

Нора отложила стрелу.

— Есть место, — сказала она. — Только вам не понравится. Выводок. Часа два к востоку, лес идет под уклон, а в низине лощина. Земля там мягкая, как мокрый хлеб, и вся из костяной крошки. Там оно и родится.

— Что родится?

— Все, что по лесу ходит. Скелеты, слепыши. Их тысячи, и они откуда-то берутся. Вот оттуда.

Костя почувствовал под ложечкой знакомый холодок.

— Богато там?

— Очень. Оттуда никто ничего не выносил, потому что оттуда не выходили. — Она поглядела ему в глаза. — Я сунулась в первый день. Одна. Постояла на краю и ушла. Впятером, может, и получится. А может, и нет. Врать тебе не буду.

Бьорн крикнул и стал подниматься. Он вставал долго.

— Ну пошли, — сказал он. — Помирать, так с деньгами.

Часа через два лес пошел под уклон.

Костя сразу почувствовал разницу. Земля под ногами стала пружинить, как торф, и от нее шел пар. Черные деревья тут росли реже и криво, все клонились в одну сторону, будто их тянуло к низине. Туман тек вниз, ручьями, стекал по склону, и там, в глубине, лежал плотно и не шевелился.

Дэн шел впереди, разведывал. Он вернулся, присел рядом с Костей и заговорил быстро, шепотом.

— Там люди.

— Где?

— На той стороне лощины. Четверо. Стоят на краю, смотрят вниз, вроде совещаются. — Дэн облизнул губы. — Костя. У одного меч светится.

— Как светится?

— Ну как... — Пацан помялся. — Как лампа. Синим. Прямо видно через туман.

Костя подобрался ползком к краю склона, лег, выглянул. Нора легла рядом.

Четверо стояли метрах в двухстах, на другом краю лощины. Мужчина впереди, крупный, в настоящей броне. Не обноска с трупов. Цельный пластинчатый доспех, сидевший как вторая кожа. За спиной в перевязи меч, и от меча шло синее свечение, пробивавшее туман, как фонарь пробивает дождь.

Рядом женщина с посохом. Посох темный, витой, верхушка тлеет оранжевым, будто там держали угли. Двое помоложе стояли позади.

— Это что за птицы, — тихо сказал Костя.

— Это Сивый со своими, — сказала Нора, и голос у нее стал другой. — Про них в лесу знают. Он тут уже с прошлой волны.

— Сильные?

— Костя. — Она повернула к нему голову. — У него меч из легендарных. Легендарных, понимаешь? Я такого за все время видела две штуки, и оба у таких, как он. Он двенадцатого уровня, может, тринадцатого. Баба его с посохом чуть пониже. Те двое так, прицеп.

Двенадцатого. Костя переварил. У него самого было пять. У Бьорна с Норой шесть.

— Он нас видел?

— Он нас видел еще когда мы спускались, — сказала Нора. — Он нас видел и не пошевелился. Это тебе все, что надо знать.

Костя молча лежал и смотрел, как Сивый вертит башкой, разглядывая лощину. Потом тот махнул рукой, и четверка двинулась в обход, вдоль края, не спускаясь. Синий отсвет уплывал в туман, пока не потух.

— Не полезли, — сказал Костя.

— Не полезли, — согласилась Нора. — Двенадцатый уровень не полез. Подумай об этом.

— Я думаю.

Он думал. И еще он думал о том, что где-то есть люди с мечами, которые светятся, и посохами, в которых горит огонь. Значит, такие вещи существуют. Значит, до них можно дойти. Значит, они с его ржавым тесаком, подобранным у скелета, находятся на самом дне этой лестницы, и подниматься придется долго.

Мысль была не то чтобы приятная. Скорее полезная.

Ниже по склону попала вторая группа. Трое, шли почти навстречу, разошлись молча шагов за тридцать, и все шестеро эти тридцать шагов держали руки на оружии. Худой, с обритой головой, посмотрел Косте в лицо и чуть кивнул, будто запоминал.

— Вот эти опаснее, — сказала Нора, когда те ушли. — Сивый на нас не смотрит, мы для него пыль. А эти смотрят.

Лощина открылась внизу разом, как будто с нее сняли крышку.

Шагов двести в поперечнике. Дно белесое, все из костяной крошки, мелкой, как гравий, и от нее шел пар. По краям торчали черные деревья, корни уходили прямо в эту крошку, и корни шевелились.

А в середине лежало то, что рожало.

Костя не сразу понял, что смотрит на живое. Сперва показалось, что в центре просто холм, серо-розовый, оплывший, метров пять высотой. Потом холм вздохнул. Бок поднялся, опустился, и по всей поверхности пробежала волна.

Туша. Огромная, безногая, вросшая в крошку до середины. Кожа складчатая, вся в лопнувших пузырях, и из пузырей текло. А из-под нижнего края, из щели, где туша уходила в землю, лезло.

Лезли мелкие. Белые, длинные, в палец толщиной, потом в руку, потом с собаку. Они вываливались из щели пачками, копошились, расползались, и по всей лощине шевелилась эта белая мешанина.

(Гнилая матка. Уровень 8.) (Опарыш. Уровень 3.) (Опарыш. Опарыш. Опарыш...)

Строки посыпались десятками и слились в кашу.

— Восьмой, — тихо сказал Курт. — Костя. Она восьмого уровня. У нас старший шестого.

— Вижу.

— Это самоубийство.

— Вижу.

Костя стоял на краю и считал. Быстро, как привык. Матка не двигалась, она вросла. Значит, она не побежит и не догонит. Значит, вся ее сила в мелких, а мелкие третьего уровня, ломкие, и их можно рубить, если они не навалятся все разом. А навалятся они там, где широко.

Спуск в лощину был один. Промоина, шагов пять в ширину, зажата между каменными выступами. По ней они и сошли.

— Тут встанем, — сказал Костя. — Пять шагов, больше трех разом не пролезет. Бьорн справа, я слева. Нора наверх, на камень, оттуда все дно как на ладони. Дэн за нами, добиваешь упавших и следишь, чтоб не обошли по верху. Курт жжет тех, кто скучится.

— А матка? — спросил Дэн.

— Потом. Сперва выпустим из нее все, что вылезет, потом вскроем.

— Их тысячи!

— Их столько, сколько она успеет высрать. Она не бездонная.

Он снял с плеча свернутое древко и воткнул вымпел в костяную крошку у себя за спиной, в самой узкой части промоины, между камнями. Полотнище развернулось, обвисло, и по нему прошла рябь.

И Костю накрыло.

Будто выпил горячего. В голове прочистилось. Страх, что сидел под ложечкой все эти дни, отодвинулся и стал похож на чужой страх, о котором можно думать со стороны. Руки налились.

(Отрядный вымпел развернут. Всем в отряде: Воля +2, прочие характеристики +1.) (Внимание: вымпел раздражает нежить. Защищайте древко.)

— Ох, — сказал Дэн. — Ох, а вот это вещь.

— Это вещь, — согласился Бьорн. Он размял плечи, и шея у него хрустнула. — Хорошая палка. Стоять за палку будем?

— Будем, — сказал Костя.

Матка их услышала.

Или почуяла, или как это у нее работало. Туша в середине лощины вздрогнула, вся, целиком, и по белой мешанине на дне пробежало движение. Опарыши развернулись. Все сразу. Тысячи слепых голов повернулись к промоине, где стоял вымпел.

И покатались.

Первая волна дошла до них секунд через десять.

Костя разглядел их вблизи, и лучше бы не разглядывал. Жирная белая гусеница в человеческий рост на коротких лапках, штук шесть с каждого боку. Головы нет. Спереди воронка, кольцо мясистых крючьев, которые крутились в разные стороны, и внутри кольца ходило темное.

Он ударил первого тесаком поперек. Тварь разошлась надвое, как перезрелая слива, костей внутри не было, только слоистая белая мякоть, которая полезла наружу и потекла Косте на сапоги. Второй наполз на первого, третий на второго. Они лезли по своим, давя и подминая, и промоина стала наполняться.

— Держим! — заорал Костя. — Не отступать, за нами древко!

Бьорн в зверя не оборачивался, ему хватало рук. Взял тесак в две руки и работал им, как косой, коротко, снизу. Опарыши перед ним лопались пачками. Его било в грудь тушами, а он не двигался с места.

Нора работала сверху. Костя слышал, как щелкает тетива, размеренно, будто отсчитывая. Она стреляла поверх промоины, по тем, кто пытался обойти по склону. Каждый раз, когда белая тварь начинала карабкаться по камню в обход, тетива щелкала, и тварь скатывалась.

Курт жег.

Костя первый раз видел, как тот работает всерьез. Курт стоял у самого вымпела, обеими руками, и с ладоней срывались узкие рыжие плети, тонкие, как жало, и не гасли на лету. Там, где скапливалось густо, он бил по скоплению, и опарыши вспыхивали, как промасленная бумага, и от них шел дым, от которого рвало.

(Курт: «Огненная игла». Расход резерва: высокий.) (Курт: резерв на исходе. Осторожно.)

— Курт, экономь! — крикнул Костя.

— Я экономлю! — заорал тот в ответ. — Я, черт возьми, экономлю!

Дэн работал за спинами, приканчивал тех, кто прополз или поднырнул. Один опарыш пролез у Кости под сапогом и пошел прямо на вымпел, и Дэн срубил его в двух шагах от древка.

— Они на палку идут! — крикнул пацан.

— Знаю! Держи!

Костя не знал, сколько это длилось. Время стало густым, и он двигался внутри этой густоты, как в воде. Рубил, отпихивал, наступал, снова рубил. Плечи горели. Тесак затупился, он их уже не разваливал, он их рвал. Под ногами было по колено белой каши, и каша шевелилась, потому что сдохли не все.

(Прочность: Ржавый костяной тесак. 2/10.)

Плохо. Костя глянул на строку и понял, что тесак кончается. Еще десяток ударов, и он останется с кулаками.

А потом поток стал реже.

Костя сначала не поверил. Потом сообразил: матка выдохлась. Она вросла в землю, она не могла бежать, и все, что у нее было, она выпустила, и это все теперь лежало в промоине белым мясным месивом.

— Идем на нее! — заорал Костя. — Сейчас, пока пусто!

Они пошли по дну лощины, по костяной крошке, по трупам.

Матка их ждала. Шагов за двадцать туша содрогнулась, и по боку с треском разошлась щель, длинная, от верха до земли.

Оттуда полезли отростки. Метров по пять, тонкие, серо-розовые, как оголенные жилы, штук восемь. Они пошли по воздуху, шаря вокруг, и когда один прошел рядом, Костя увидел, что жила изнутри усажена мелкими крючками.

— Бьорн! — крикнул он. — Теперь можно!

И Бьорн обернулся.

Костя уже видел это раз, но привыкнуть было нельзя. Здоровяк упал вперед на бегу, и его разорвало изнутри, и собрало заново, и через полтора шага по костяной крошке неся бурый медведь размером с быка.

Он врубился в тушу с разбегу.

Отростки хлестнули, обвили, крючья вошли в шкуру. Медведь заревел и стал рвать их зубами. Костя рубанул по одному, что тянулся к нему, тесак вошел в жилу и застрял, и жила дернулась и выбила его из рук.

(Ржавый костяной тесак сломан.)

— Твою мать, — сказал Костя.

Он схватил обломок древка, чей-то, валявшийся в крошке, и пошел на тушу с этой палкой, потому что больше ничего не было.

Нора перестала бить в тушу, стрелы в ней тонули, и стала бить в основания отростков, туда, где они выходили из щели. Один за другим они обвисали.

Курт выложился весь. Лицо серое, с носа текла кровь, но он жег, и щель в боку матки занялась и пошла огнем изнутри.

Медведь вырвался, оставив в отростках клочья шкуры, и с разбегу ударил в горящую щель. Влез в нее по плечи. Он рвал ее изнутри, матка ходила ходуном, и оттуда полезло горячее, черное, вонючее. Костя добежал и всадил древко туда же, куда бил медведь. Дэн работал ножом по обвисшим отросткам, перепиливал у корня.

Матка выгнулась. Вся туша поднялась над землей, вырвав из крошки полтуловища и показав то, что было внизу, чего Косте хватило на всю оставшуюся жизнь. И рухнула обратно, осев набок.

Стало тихо.

(Убита: Гнилая матка, ур. 8.) (Опыт распределен между участниками боя.) (Костя: опыт +60%. Дэн: опыт +80%. Бьорн: опыт +35%. Нора: опыт +35%. Курт: опыт +35%.) (Дэн: уровень повышен: 3 → 4.) (Отряды начислено: 34 искры.)

— Тридцать четыре, — прохрипел Курт, вытирая нос рукавом. Кровь размазалась по лицу. — Тридцать четыре искры. Костя, мы взяли компас. Мы его взяли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.